Роберта Де Джорджи

«Не роман, а путаница в письмах и телеграммах»: Шолом-Алейхем и Лев Толстой (по неизданной переписке)

Предисловие

Замысел данной работы, посвященной переводу «Трех сказок» Толстого 1903 года, в первую очередь сказки о царе Асархадоне, возник в рамках более обширного проекта — монографии о Владимире Черткове (1854–1936), друге и соратнике Толстого, самом страстном последователе его учения. В 1903 году Чертков, высланный из России за свой памфлет в защиту духоборов, находился в Лондоне и занимался всеми переводами и иностранными изданиями Толстого (еще с 1898 года) как его единственный литературный агент. И действительно, в Лондоне он получал копии всех без исключения текстов писателя — художественных произведений и статей, черновиков и заметок, биографических документов, писем, дневниковых записей и т. д. Поэтому неудивительно, что в московском архиве Черткова (в РГАЛИ) были обнаружены несколько писем и одна телеграмма Шолом-Алейхема, который в 1903 году обратился к Толстому с просьбой отправить ему какой-нибудь неизданный текст для публикации в сборнике в пользу пострадавших от погрома в Кишиневе. Толстой сразу же откликнулся на просьбу и через несколько месяцев передал ему три неизданных сказки («Ассирийский царь Асархадон», «Три

вопроса» и «Труд, смерть и болезнь»), которые были опубликованы в 1903 году в переводе Шолом-Алейхема на идиш (Hilf, Varshe, Tushiah).

Это, пожалуй, все скудные сведения, которые можно почерпнуть из исследований о Толстом и из комментариев к его Полному собранию сочинений (М., 1928–1958). Однако события, которые происходили в месяцы, прошедшие с того момента, как Шолом-Алейхем получил от Толстого три сказки, до их выхода на идише — и примерно в то же время на других языках, — требуют отдельного исследования. Хотя письма Шолом-Алейхема Черткову касаются в основном технических вопросов, между строк в них можно прочесть о буре, что разражалась всякий раз, когда Толстой, еще за несколько лет до того отказавшийся от авторских прав на произведения, написанные им после 1881 года, отправлял в печать новый текст, даже если речь шла о небольшой статье. «Когда я теперь отдаю что-либо в печать, то всегда боюсь, что огорчу кого-нибудь и мне будет неприятно»[1], — писал Толстой Черткову как раз той осенью 1903 года.

Именно «между строк», поскольку эти письма отражают лишь малую часть сложной истории, вызывая у читателя желание разобраться в том, что же происходило на самом деле, раскрыть причины беспокойства, опасений, гнева и радости, которые оставили след на их страницах. Письма Шолом-Алейхема, которые я почти случайно обнаружила в ходе исследования, побудили меня углубиться в «темный лес» переписки между переводчиками, издателями, писателями и другими лицами, участвовавшими в этой запутанной истории, помимо упомянутых выше Толстого, Шолом-Алейхема и Черткова. Я имею в виду Эйльмера Моода (1858–1938), биографа и последователя Толстого, который стремился любой ценой стать основным переводчиком его сочинений на английский язык; Павла Буланже (1865–1925), человека кроткого, всегда готового оказать услугу великому писателю; врача Дмитрия Никитина (1874–1960); Владимира Бинштока (Bienstock, 1868–1933), автора неудачного француз-

[1] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 89. С. 306–307.

ского перевода «Войны и мира»; и, конечно же, преданную свиту издателей, верных переводчиков и единомышленников Черткова.

При этом сам Шолом-Алейхем, невольный виновник «путаницы в письмах и телеграммах», если использовать название его известного произведения, остается в тени, Эйльмер Моод упоминает о нем мимоходом, искажая его имя: «Talented Jewish writer, S. N. Rabinóvitch, better known in Russia under his pseudonym of Schalem Meichem» («Талантливый еврейский писатель С. Н. Рабинович, более известный в России под псевдонимом Шалем-Мейхем»)[2].

При реконструкции истории перевода трех сказок — в частности, сказки о царе Асархадоне — я во многом опиралась на не изданные по сей день архивные материалы и на периодические издания той эпохи, русские и зарубежные. Письма Шолом-Алейхема Черткову, написанные по-русски, уже выходили в переводе на идиш в «Советиш геймланд» в 1966 году (№ 1) и в 1984-м (№ 3), но, насколько мне известно, первоначальная версия на русском была опубликована впервые в моей статье в 2017 году (Russica Romana. 2017. № XXIV. С. 121–167).

Оригиналы писем Черткова Шолом-Алейхему, к сожалению, не сохранились в его архиве в Тель-Авиве (Beth Sholem Aleichem). Однако я нашла копии двух его самых важных писем: первое было переписано царской секретной полицией, которая вела за Шолом-Алейхемом усердное наблюдение после перехвата его переписки с Чертковым и другими толстовцами. Копия второго письма, переданного Толстому Чертковым, — более длинного и многословного, что было свойственно стилю Черткова в целом, — хранится в московском архиве Толстого. «Так как мне необходимо было, — пишет Чертков Шолом-Алейхему, — сообщить Льву Николаевичу все то, что я здесь сообщаю Вам, что в избегание повторения в другом письме того же самого, я стал

[2] Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy / Translated by L. and A. Maude, with an Introduction containing Letters by Tolstoy. New York. Funk & Wagnalls Company, 1903. P. 8; London: Grant Richards, [1903], 1904. P. 5.

под конец писать это письмо, как бы обращаясь к Вам обоим одновременно; и ему пошлю копию с этого письма» [3].

Один оригинал письма Шолом-Алейхема, адресованного Мооду, был обнаружен среди бумаг последнего в «Русском архиве» в Лидсе (Leeds Russian Archive), где хранятся также несколько писем (в которых говорится о переводе «Трех сказок» Толстого) Павла Буланже.

Корреспонденция Моода и Черткова, которую они вели исключительно через посредников, почти целиком находится в двух московских фондах Черткова (в РГАЛИ и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки), так как Моод беспрекословно выполнил требование вернуть отправителю все полученные письма.

Что касается переписки за 1903 год между Толстым и Чертковым, то письма первого давно опубликованы в его Полном собрании сочинений, тогда как письма второго мне пришлось искать в его фонде в Государственном музее Толстого, а также в отделе рукописей Российской государственной библиотеки; эти письма до сих пор не изданы.

Существует, наконец, и переписка между Толстым и Шолом-Алейхемом. Письма Толстого опубликованы в его Полном собрании сочинений (М.: Художественная литература, 1954. Т. 74. С. 118–119, 165–167, 182). Письма Шолом-Алейхема Толстому хранятся в отделе рукописей Государственного музея Толстого в Москве (Ф. 1. Оп. 2. № 180–108); они опубликованы — с мелкими неточностями — в Собрании сочинений Шолом-Алейхема (М.: Художественная литература, 1990. Т. 6. С. 329–341, 346).

Ради краткости я не буду отдельно упоминать прочие архивные документы, использованные в исследовании.

Отдавая в печать данную работу, я хотела бы поблагодарить — помимо администрации учреждений, предоставивших мне возможности для проведения исследования, — Ричарда Дэвиса (Richard Davies), И. Т. Пяттоеву, В. С. Бастрыкину за содействие

---

3 [Письмо [копировальная копия автографа] Черткова к Шолом-Алейхему от 19 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 8. Инв. № 54/1. Л. 5.

и искреннюю поддержку в течение всех этих лет. Приношу глубокую благодарность Александру Френкелю, столь щедро делившемуся со мной своими уникальными знаниями.

Все ошибки и неточности в работе принадлежат, конечно, только мне.

Редакционные пояснения

При воспроизведении текста неизданных документов соблюдаются следующие правила.

Текст цитируется в соответствии с современными нормами русской орфографии и пунктуации.

Сокращения типа «к-ый» вместо «который» и недописанные слова даются полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямые скобки: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п.

На месте не поддающихся прочтению слов ставится пометка <*нрзб*> и указывается количество неразборчивых слов. <*1 нрзб*>, <*2 нрзб*>

То, что подчеркнуто в источниках от руки, печатается подчеркнутым.

Текст без правки передается прямым простым шрифтом.

Текст, вычеркнутый писателем, заключен в угловые скобки.

Вставка рукописной правки (текст, вставленный писателем или переписчиками) обозначена полужирным шрифтом.

Сокращения (в сносках для наиболее цитируемых имен):

F. A. P. [или **Ф. А. П.**]: Free Age Press.

ПСС — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1928–1958.

СС — Шолом-Алейхем. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1988–1990.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого.

LRA — Leeds Russian Archive.

CAHJP — Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem.

ЦДІАК — Центральний державний історичний архів України, Київ.

I

Перевод «Трех сказок» Льва Толстого, с которыми Запад познакомился в конце 1903 года под заглавием «King Assarhadon and other Stories» (или же «Esarhaddon and other Tales»), лишь на первый взгляд кажется сделанным в соответствии с устоявшейся практикой, согласно которой Владимир Григорьевич Чертков, литературный агент Толстого с 1898 года, доверял перевод его новых произведений одновременно нескольким переводчикам из разных стран, хорошо себя зарекомендовавшим. Перевод «Трех сказок» представляется выполненным в соответствии с обычной издательской практикой, только если судить по конечному результату. Однако то, что произошло в течение нескольких месяцев, отделявших создание сказок от их выхода в свет на разных языках, напоминает хитросплетения полного недоразумений сюжета знаменитой книги Шолом-Алейхема «Мариенбад — не роман, а путаница в 36 письмах, 14 любовных записках и 46 телеграммах» (1911). Речь идет о путанице международного масштаба, и сегодня эта история, восстановленная с помощью архивных документов, которые считались потерянными или уничтоженными, многое рассказывает нам о целом ряде лиц, окружавших Толстого. Этот круг сужался всякий раз, как он завершал новое произведение, и намерения этих людей не всегда были прозрачны.

И имя Шолом-Алейхема, и название его знаменитого произведения упоминаются в этой связи не случайно. Но обо всем по порядку.

Вскоре после погрома в Кишиневе, случившегося в апреле 1903 года, писатель Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович, 1859–1916) обращается к Толстому с просьбой принять участие в сборнике, задуманном в помощь пострадавшим евреям (им должна была пойти выручка с продаж). В своем первом письме он называет Толстого «Великим Писателем Земли Русской», а сам представляется «народным бытописателем», уже двадцать лет пишущим на «еврейском разговорном наречии», то есть идише, под псевдонимом «Шалем-Алехем»[4].

> 27 апреля 1903.
> Глубокоуважаемый Лев Николаевич!
>
> <...> Автор этих строк имеет честь не только принадлежать к этому вечно гонимому, бесправному, презираемому, но по-своему великому народу, но быть скромным выразителем его чувств, мыслей и идеалов. <...> Мне поручено составить Сборник в пользу пострадавших от кишиневского погрома. В Сборнике участвуют лучшие еврейские силы. Чтобы обеспечить Сборнику успех, я осмеливаюсь просить Вас, Великий Писатель Земли Русской, дать нам что-нибудь, ну хотя бы письмо утешительного свойства. <...> Ваше письмо я берусь перевести на еврейский (народный) язык, которого люди знающие считают меня одним из лучших стилистов[5].

---

[4] См. письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 27 апреля 1903 года (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 1–2; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 329–330); в конце второго листа письма Шолом-Алейхем делает сноску, где добавляет: «Пишу и много писал также и на древнееврейском языке, равно как и на Русском» (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 2). В большинстве писем, приведенных мной в этой работе, Шолом-Алейхем подписывался как Соломон Н. Рабинович, добавляя — иногда в скобках, а иногда без — свой псевдоним, написанный по-разному. В оригиналах мы не меняли правописание, но в статье выбрали общепринятый вариант Шолом-Алейхем. Толстой, как и его последователи и переводчики, чаще всего называл его Соломон Рабинович.

[5] Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 27 апреля 1903 года (ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 2. № 180/108–1. Л. 1–2; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 329–330).

Прежде Толстой ни разу не слышал ни имени Соломона Рабиновича, ни его литературного псевдонима. И это неудивительно: в первые годы XX века Шолом-Алейхем был малоизвестен за пределами еврейской читающей аудитории. Его прорыв к русскому читателю произойдет позже, в 1910 году, когда московское издательство «Современные проблемы» приступит к выпуску первого собрания сочинений писателя на русском языке (1910–1913)[6].

Через несколько дней, а именно 6 мая 1903 года, Толстой, который уже высказал кратко свое мнение о произошедшем в Кишиневе[7], решает откликнуться на просьбу:

> Соломон Наумович,
>
> Ужасное совершенное в Кишиневе злодеяние болезненно поразило меня. <...>
> Я очень рад буду содействовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо, соответствующее обстоятельствам.
> К сожалению, то, что я имею сказать, а именно, что виновник не только кишиневских ужасов, но всего того разлада, который поселяется в некоторой малой части — и не народной — русского населения — одно правительство. К сожалению, этого-то я не могу сказать в русском легальном издании[8].

10 мая Шолом-Алейхем благодарит Толстого — и за то, что он принял приглашение участвовать в сборнике, и за теплые слова —

---

[6] См. об этом: *Френкель А. С.* Русский писатель Шолом-Алейхем // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 168. По распоряжению Шолом-Алейхема издательство высылало тома его собрания сочинений в Ясную Поляну. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 апреля 1910 года (см.: СС. Т. 6. С. 346).

[7] См.: письмо Толстого к «Знакомому еврею» // ПСС. Т. 74. С 106–109.

[8] Письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 6 мая 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 118–119. Письмо это без указания имени отправителя было впервые опубликовано в журнале «Свободное слово» [Лондон]. 1903. № 5 [май и июнь]. Стб. 28 в разделе «Сведение о Льве Николаевиче Толстом» (составлено В. Чертковым).

и просит его выслать текст как можно скорее или хотя бы сообщить, когда примерно он будет готов, чтобы заранее организовать подписку на «еврейский сборник»[9]. Однако 11 июля Шолом-Алейхем вынужден снова писать Толстому, повторяя от имени всех русских евреев просьбу почтить их каким-нибудь сочинением: рассказом, статьей, письмом или заметкой[10]; затем, 24 июля, в качестве составителя сборника он еще раз напоминает об этом Толстому:

> ...все грамотное еврейство — а какой еврей неграмотен по-еврейски? — с нетерпением ждет и надеется услышать авторитетное слово величайшего писателя и человека, впервые переведенное с рукописи и специально предназначенное и для доброго дела, и для симпатичного издания[11].

28 июля Толстой поручает М. А. Маклаковой[12] написать «Рабиновичу» и узнать, не слишком ли он опаздывает с отправкой текстов[13]. В своем ответе от 3 августа 1903 года Шолом-Алейхем сообщает ей, что издатель согласился сдвинуть срок сдачи в типографию на месяц, и добавляет:

> Таким образом, имея в своем распоряжении целый месяц времени, мы надеемся, что Граф может окончить свою работу. Если бы, паче чаяния, понадобилось Графу еще несколько дней, то остановки не будет, потому что без этой

---

9 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 мая 1903 года // СС. Т. 6. С. 330–331.

10 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 11 июля 1903 года // СС. Т. 6. С. 331.

11 [Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 июля 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. №180/108–4. Л. 1; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 332.

12 Мария Алексеевна Маклакова (1877–1957) — дочь известного московского окулиста, сестра адвоката, хорошая знакомая семьи Толстых.

13 В ПСС Толстого читаем: «Июля 28. М. А. Маклакова спрашивала Рабиновича, не опоздал ли Толстой с присылкой материала для еврейского сборника» (Список писем 1903 г., написанных по поручению // ПСС. Т. 74. С. 273).

> обещанной статьи выпуск нашей книги совершенно немыслим. Благоволите немедленно сообщить мнение Графа об этом сроке[14].

Первоначально Толстой собирался отдать для публикации в «еврейском сборнике» рассказ «После бала», который на тот момент еще не был окончен[15], однако затем по причинам, которые нам неизвестны, одарил сборник тремя сказками, сочиненными специально по этому случаю[16]. 9 августа он извещает об этом Владимира Черткова: «Написал я за это время три сказки, кот[орые] отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе, и списки пришлю вам. Сказки плохи. Но надо было освободиться от них»[17]. Чертков с радостью воспринимает известие, сразу же усмотрев в нем практическую пользу для своего издательства:

> Меня поэтому особенно обрадовало ваше сообщение, что вы написали две сказки и рассказ. Это очень своевременно в смысле нового оживления интереса читателя во всех ваших писаниях. Кроме того, для наших английских изданий «Free Age Press» это настоящий «Godsend»; т[ак] к[ак], с тех пор как Mood отнял от нас печатания «Resurrection», доставлявшего нам 2/3 всей нашей выручки, нам материально очень трудно приходится[18].

---

14 Письмо Шолом-Алейхема к М. А. Маклаковой от 3 августа 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Реховот, Израйл, 1994. Кн. 4. С. 212).

15 18 июня 1903 года Толстой записывает в «Дневнике»: «2) В еврейский сборник: веселый бал в Казани, влюблен в <Ко[рейшу]> красавиц[у], дочь воинск[ого] начал[ьника] — Поляка, танцую с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И на утро после влюбленн[ой] бессонной ночи, звуки барабана и сквозь строй гонит Татарина, и воинск[ий] начальник велит больней бить. (Очень бы хорошо)» // ПСС. Т. 54. С. 178.

16 7 августа 1903 года Толстой дописал эти сказки (см.: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М.: Кооп. изд-во: Голос Толстого, 1922. Т. 1. С. 113).

17 Письмо Толстого к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

18 [Письмо (копировальный дубликат автографа) Черткова к Толстому от 4 сентября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 7–8.

20 августа Толстой отправил Шолом-Алейхему две первые сказки — «Ассирийский царь Асархадон» и «Три вопроса»[19], — а затем, два дня спустя, и третью: «Труд, смерть и болезнь»[20]. На самом деле была еще и четвертая, «Das bist du»[21], но ее Шолом-Алейхем предпочел не включать в сборник, поскольку счел это

> не только бесполезным, но совершенно лишним, могущим вызвать в уме простого человека смешение понятий и тупое недоумение. Сказка Ваша («Ассархадон»), воплотившая в себе идею «Das bist du», облечена Вами в столь прекрасные образы, что прямо жаль портить цельность впечатления у незатейливого читателя[22].

И действительно, текст «Das bist du» в сборник не вошел[23].

Между тем Шолом-Алейхем времени не терял: он перевел три текста на идиш и в этом же письме от 25 августа заверил Толстого в несомненном качестве своей работы, уведомив его:

> А что я передал их мастерски, в этом я смело Вас могу уверить. Я совсем иначе понимаю слово «перевод». Сохраняя смысл, дух и буквальное содержание Ваших сказок, я постарался сообщить им красоту, свойственную нашему народному, до чрезвычайности простому и, вместе с тем, образному языку. И в этих видах мне пришлось в некоторых местах поступиться выражениями в оригинале, заменяя их сочными, чисто еврейскими выражениями и оборотами речи. <...>

---

[19] См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 20 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 165–166. См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 22 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 166.

[20] Там же.

[21] См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 25 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 167.

[22] Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 28 августа 1903 года // СС. Т. 6. С. 335.

[23] На конверте письма Шолом-Алейхема к Толстому от 28 августа 1903 года имеется заметка Толстого: «Ответить, что согласен не помещать» (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Указ. соч. С. 267).

> В общем, я должен Вам сказать, что в переводе «Сказки» вышли так, как будто Вы их написали по-еврейски. Никаких следов перевода в их не заметно[24].

Тем временем 24 августа Толстой по сложившейся традиции выслал три сказки и Черткову[25]. И действительно, копии всего, что он писал, — художественных произведений и статей, черновиков и аннотаций, биографических документов, писем, дневниковых записей и прочего, — отправлялись Черткову, который с 1897 года жил в изгнании в Лондоне. Попав в руки к Черткову, эти тексты находили разное применение, но сначала тщательным образом каталогизировались и помещались в охраняемый архив, расположенный в несгораемом хранилище на окраине города. Законченные сочинения (художественные и публицистического характера) почти всегда издавались в Лондоне сразу по-русски (особенно если они были запрещены российской цензурой) издательством «Свободное слово» и в переводе на английский язык издательством Free Age Press («Издательство свободного века», далее указано как F. A. P.); оба были основаны и возглавлялись Чертковым. Письма Толстого, имевшие, по мнению Черткова, определенное политическое, социальное или религиозное значение, он печатал в своих периодических изданиях: «Свободном слове» (1901–1905) и «Листках свободного слова» (1898–1902)[26]. Так, письмо от 6 мая 1903 года, в котором Толстой брал на себя обязательство принять участие в сборнике на идише, появилось впервые на страницах «Свободного слова» в номере за май — июнь 1903 года, без указания на имя отправителя.

---

24 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 25 августа 1903 года // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–7. Л. 1, 4 опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 332–334.

25 См.: письмо Толстого к Черткову от 24 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 305.

26 О периодических изданиях Черткова в Англии см.: *Саломони А.* Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. / под ред. Ю. Шеррер, Б. Ананьича. СПб.: Европ. Дом, 1997. С. 111–127.

Помимо этого Чертков занимался переводами произведений Толстого на другие языки. В 1898 году, после более-менее откровенного давления с его стороны, он был назначен писателем своим официальным представителем и получил исключительное право распоряжаться всеми переводами его произведений за границей:

> Теперь, когда мой друг Владимир Чертков живет в Англии, я желаю в его руки передать все соглашения и связи с первым изданием моих писаний за границей; и потому я хотел бы, чтобы все переводчики и издатели, заинтересованные в этом деле, обращались к нему.
>
> Лев Толстой.
>
> Москва.
> 8 марта 1898[27].

Появившись в жизни Толстого в конце 1883 года, в течение всего нескольких лет Чертков завоевал исключительно привилегированное положение: стал его ближайшим другом, издателем, переводчиком и литературным агентом[28]. А в 1903 году уже обрел — и очевидным доказательством тому явилось последнее завещание писателя[29] — почти абсолютный контроль над тем, что тот писал, и поэтому для Толстого было совершенно естественным ритуалом отправлять Черткову черновики своих

---

[27] Толстой Л. Н. Письмо иностранным издателям и переводчикам [25 февраля / 8 марта 1898 года]; оригинал на англ. яз. (ПСС. Т. 71. С. 287).

[28] О В. Г. Черткове см.: *Муратов М. В.* Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М.: Гос. Толстовский музей, 1934; *Fodor A.* A Quest for a Non-violent Russia: the Partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Lanham, MD: University Press of America, 1989; *Ершова О. Е.* «Первый ученик» Л. Н. Толстого: [О В. Г. Черткове] // Мещерские хроники. К 90-летию пребывания Л. Н. Толстого в Мещерском крае. Чехов (Моск. обл.) 2002. С. 19–31; *Ореханов Г.* Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: Изд. ПСТГУ, 2009; *De Giorgi R.* L'amico di Tolstoj. Roma: Lithos, 2012; *Popoff A.* Tolstoy's False Disciple. The Untold Story of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. London-New York: Pegasus Books, 2014.

[29] См.: 304. Завещание, 1910 г. июля 22. Лес близ деревни Грумонт // ПСС. Т. 82. С 227; см. также: «Объяснительная записка» // ПСС. Т. 82. С. 227–228.

произведений, копии дневников и частной переписки, что, скорее всего, было продиктовано желанием вверить судьбу этих текстов тому, кто явно дорожил ими намного больше, чем он сам.

Но вернемся к трем сказкам. Письмо с их текстами прибыло в Лондон 11 сентября 1903 года н. с. и не содержало никаких указаний от Толстого, поэтому, уведомляя его о получении, Чертков написал: «Пока, не получив других инструкций, считаю, что сказки эти можно печатать на иностранных языках»[30].

«Инструкции» на предмет того, что делать с тремя сказками, Толстой выслал ему отдельным письмом, также отправленным 24 августа, но дошедшим до адресата позднее. В нем Толстой сообщал Черткову:

> Я их отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе. Они хотят перевести на жаргон и поместить в Сборнике. Я думаю, что не следует издавать ни по-русски, ни по-английски, ни по-каковски (разумеется, в случае, если это найдено будет стоящим печатания и перевода) до тех пор, пока выйдет сборник и даже несколько после. Также думаю предложить и «Посреднику». Если же появятся переводы с жаргона, то что ж делать. Пускай.
> Адрес того, кому я послал, если захотите списаться с ним: Киев, Соломону Наумовичу Рабинович. Мал[ая] Благовещенская, 27[31].

С самого начала Толстой принял условия Шолом-Алейхема: сказки не должны были ни публиковаться на русском, ни переводиться на какой бы то ни было другой язык до выхода сборника на идише. И поэтому, получив уведомление Черткова и не зная, что тот еще не прочел его указаний, писатель, опасаясь конфликтов, слишком хорошо ему знакомых, почувствовал, что должен снова

---

30 [Вставка, сделанная Чертковым 11 сентября 1903 года н. с. в письмо к Толстому от 6 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 1. № 355/1–2. Л. 8.

31 Письмо Толстого к Черткову от 24 августа 1903 г. // ПСС. Т. 88. С. 305. Здесь неверно указан адрес — в действительности Шолом-Алейхем проживал в тот период по адресу: Киев, Мариинско-Благовещенская (ныне улица Саксаганского), 27.

встать на защиту интересов сборника на идише. И 6–7 сентября написал Черткову, не скрывая своего недовольства ситуацией:

> О том, что делать с сказками, я писал и сейчас напишу еще.
> <...>
> Теперь о самом печатании: когда я теперь отдаю что-либо в печать, то всегда боюсь, что огорчу кого-нибудь и мне будет неприятно. — Еврейские издатели хотят напечатать по-русски в Киеве в пользу же кишиневск[их] евреев, и потому надо сделать так, чтобы не повредить успеху их издания. Надо списаться с ним. Адрес такой: Соломон Наумович, Киев, Мал[ая] Благовещенская, 27[32].

Указания Толстого, если верить Черткову, пришли отдельным письмом на день позже списка самих сказок, и в тот же самый день, 12 сентября н. с., Чертков покорно отступает от своего первоначального намерения:

> Дорогой Л. Н., вчера вечером, уже отправивши вам мое письмо (№ 100), получил ваше с указаниями относительно того, как поступить со сказками. Разумеется, в полности исполню ваши указания. Сказки или притчи эти прекрасны и, как все, что вы пишете, так просты и безыскусственны и вместе с тем так глубоки, что сначала поражают больше своей простотой — как будто во всем этом ничего нового, — и только потом, когда переваришь и перечтешь и вдумаешься, то проникаешь в глубину и видишь, что, хоть и просто, да очень важно и никогда не было высказано так ясно и ярко[33].

Получив распоряжение Толстого дождаться выхода еврейского сборника, Чертков больше не заводит речь о переводах, а только спрашивает, как поступить с двумя вариантами сказки о царе Асархадоне:

---

32 Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306–307.

33 [Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

> Вы не объясняете, почему прислали две версии и прислали ли их на выбор по нашему усмотрению или желаете, чтобы издали только вторую версию? И мне, и Гале, и всем нам первая сказка больше нравится в первой версии: уже очень жаль выпустить ослицу с осленком (это удивительно трогательно), да и вообще эта первая версия как-то несколько шире захватывает. Не позволите ли вы нам ее напечатать, когда будем издавать?[34]

Толстой предоставляет ему тут полную свободу: «Две версии я послал вам именно затем, чтобы вы выбрали, какую найдете лучше»[35]. Чертков распорядился этими сказками по-своему, не ограничиваясь простым выбором одного из двух вариантов; но к этому мы вернемся позже.

Тем временем Шолом-Алейхем продолжает переписку с Толстым: 3 сентября 1903 года он уведомляет писателя о письме (от 29 августа) неизвестного ему Павла Буланже.

Буланже сообщает Шолом-Алейхему об отсутствии авторских прав на любые тексты Толстого и предупреждает о вытекающем отсюда риске того, что сказки могут быть переведены на русский с идиша и опубликованы «ловкими промышленниками-издателями». В этой связи Буланже предлагает следующее:

> Для того чтобы избежать этого, я, сговорившись с Львом Николаевичем, хотел бы условиться с Вами, чтобы избежать такого нежелательного явления. Нельзя ли было бы редакции изданий «Посредник» вслед за выходом в свет Вашего сборника, скажем, через неделю выпустить на русском языке напечатанные Вами произведения Льва Николаевича? Пожалуйста, не откажите мне в Вашем ответе и в случае, если Вы согласны со мной, сообщите предполагаемый срок выхода издаваемого Вами сборника, а в день выхода — пришлите телеграмму[36].

---

[34] Там же.

[35] Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

[36] Письмо Буланже к Шолом-Алейхему от 29 августа 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. С. 270–271).

В том же письме от 3 сентября Шолом-Алейхем кратко пересказывает Толстому и свой ответ Буланже, которому писал, что, включив в сборник объявление о скором выходе русского оригинала сказок, он отобьет желание у всякого переводить их с идиша на русский. Он также обращал внимание Буланже на то, что издание сказок на русском всего лишь через одну неделю после публикации этих текстов на идише повредило бы самой цели их начинания[37]. Тогда Шолом-Алейхем решает воспользоваться случаем и в письме Толстому выдвигает идею, появившуюся у него, очевидным образом, не с самого начала, — опубликовать сказки в оригинале в Киеве у издательской фирмы «С. Б. Фукс» (судя по его утверждению, он уже начал переговоры) и перечислить существенную часть выручки евреям Кишинева. Таким образом и помощь пострадавшим евреям стала бы более существенной, и можно было бы избежать неуместного перевода с идиша на русский[38].

Ясно, что Шолом-Алейхем деликатно пытался извлечь выгоду из просьбы Буланже: если проблема состояла в том, чтобы не допустить перевода сказок с идиша на русский, то он уже нашел выход. Он подготовил бы их издание в оригинале в киевском издательстве «Фукс», которое, во-первых, было на хорошем счету у цензоров, а во-вторых, стало бы продавать тексты на русском, только когда все экземпляры еврейского сборника были бы раскуплены.

В конце письма, как само собой разумеющееся, автор излагает довольно дерзкую просьбу: «Будучи намерен приступить к печатанию “Сказок” по-русски в скором времени (по-еврейски они уже печатаются), я бы просил разрешить мне высылку Вам корректуры, авось Вы найдете нужным внести в них какие-либо поправки или дополнения»[39].

Инициатива Павла Буланже (1864–1925) не выходила за рамки привычного ведения дел, касавшихся Толстого[40]. В те годы он был

---

37 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 3 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 336.

38 Там же.

39 Там же. С. 336–337.

40 Павел Александрович Буланже (1864–1925) — один из друзей Толстого, инженер, служил на железной дороге. Автор статей и воспоминаний о Толстом.

очень близок писателю: находился рядом, когда тот болел в начале XX века[41], помогал в подготовке сборника «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903), а также сотрудничал с издательством «Посредник» (1884–1935) как переводчик и составитель. Данное издательство, основанное Чертковым и Толстым, стремилось распространять принципы толстовства с помощью текстов, написанных простым, понятным народу языком, по доступным малоимущему населению ценам[42].

5 сентября Буланже подробно извещает Толстого о своей переписке с «Рабиновичем»:

> Дорогой Лев Николаевич, я только что получил от Рабиновича (переводчика в еврейский сборник «сказок») письмо, где он находит нежелательным издание нами через неделю «сказок» в оригинале, так как это повредило бы успеху распродажи сборника, и что они сами предполагают выпустить «сказки» по-русски, когда распродажа сборника будет подходить к концу.
> По-моему, рассуждения его непрактичны и обличают в нем незнакомство с условиями нашего издательства. Стоит появиться «сказкам» по-еврейски, как через неделю они будут выпущены в переводе на русский и никакие примечания, как он пишет, не помогут. <...> Я сейчас написал свои соображения Рабиновичу и настаиваю на том, чтобы или они выпустили одновременно «сказки» на жаргоне и по-русски, или предоставили бы последнее сделать нам.
> Я написал ему обстоятельно и мягко, надеюсь, что из этого не выйдет конфликта[43].

---

41 См.: *Буланже П. А.* Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 гг. // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 33–68.

42 О деятельности изд. «Посредник» см.: *Otto R.* Publishing for the People: The Firm *Posrednik* (1885–1905). New York and London: Garland Publishing, Inc., 1987; Жизнь для книги: [Предисл. Н. Накорякова]. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1985; Сорок лет служения людям: Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова / под ред. Н. Н. Гусева и М. В. Муратова. М.: [б. и.], 1925; А. П. Чехов и издательство «Посредник» / сост. Е. Д. Михайлова. М.: ГЛМ; СПб.: Нестор-История, 2012.

43 [Письмо Буланже к Толстому от 5 сентября 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 87/5–135. Л. 1.

Сперва (6 сентября) Толстой просит Дмитрия Никитина[44], семейного врача, ответить Рабиновичу, что Никитин и делает в тот же день:

> Многоуважаемый Саломон Наумович!
> Лев Николаевич поручил мне написать Вам в ответ на Ваше посланное письмо, что он очень сочувствует тому, что Вы хотите выпустить отдельным изданием его «Сказки» на русском языке в пользу кишиневских евреев, но при этом просит Вас о всех подробностях этого (о сроках выпуска и т. д.) списаться с П. А. Буланже.
> Вне всякого сомнения, что Вы с ним согласитесь, как удобнее и лучше для преследуемой Вами цели — помощи пострадавшим евреям, это сделать.
> Готовый к услугам
>
> Д. Никитин[45].

Однако днем позже Толстой решает сам написать Рабиновичу: очевидно, он полагает, что следует немедленно и предельно ясно разъяснить писателю свою позицию относительно авторских прав.

> 1903 г. Сентября 7
> Саломон Наумович,
> Как Буланже, так и Никитин писали вам от моего имени. Я не писал лично п[отому], ч[то] чувствовал себя дурно.
> Я, разумеется, очень рад, что издание по-русски увеличит хоть сколько-нибудь помощь пострадавшим. Но я не могу отступить от раз навсегда принятого мною правила предоставлять всем права печатания моих писаний. Отдаю я в пользу пострадавших поэтому только то, что могу отдать — право первого печатания. Чертков из Англии, печатающий там мои писания, и кот[орому] посланы сказки,

---

[44] Дмитрий Васильевич Никитин (1874–1960) — врач, с марта 1902 года по сентябрь 1904 года почти постоянно жил у Толстых, являясь их домашним врачом.

[45] Письмо Д. В. Никитина к Шолом-Алейхему от 6 сентября 1903 года (цит. по: Сборник статей по еврейской истории и литературе / сост. М. С. Жидовецкий. Указ. соч. С. 271).

> вероятно, тоже будет писать вам с тем, чтобы узнать, когда выйдут ваши издания с тем, чтобы знать, когда он может выпустить свои в переводах и по-русски. Как Чертков, так и Буланже, мои близкие друзья, не преследуют никаких личных интересов и так же, как и я, желают наибольшего успеха той цели, для кот[орой] предназначены сказки, и потому я уверен, что вы сойдетесь с ними в установлении условий, всех удовлетворяющих.
> Корректуры лучше не присылать, а то я боюсь, что увлекусь исправлениями, изменениями и задержу издание.
> Лев Толстой[46].

Толстой, конечно, был готов предоставить Шолом-Алейхему право первого издания сказок на идише, но не планировал передавать ему права на сами тексты — ведь это противоречило его давнему решению категорически отказаться от авторских прав на произведения, написанные после 1881 года. Толстой также предупреждает Шолом-Алейхема, что помимо Буланже и Никитина с ним должен связаться Чертков, у которого уже есть рукописи сказок, чтобы согласовать издание на русском и других языках, в полном соответствии с договоренностью[47].

Между тем 8 сентября Шолом-Алейхем, еще не получив от Толстого этого последнего письма, пишет ему, что фраза, содержащаяся в письме Никитина: «Но при этом просят Вас о всех подробностях списаться с П. А. Буланже — (о сроке и т. п.)», — требует «разъяснения»[48].

Если эта фраза касается сроков выхода русского издания сказок, то, в соответствии с указаниями Буланже, он намеревается напечатать тексты на русском одновременно с еврейским сборником, но выпустить их в продажу только через некоторое время после публикации сказок на идише. Таким образом удастся

46 Письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 182.

47 См. там же.

48 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 8 сентября 1903 года] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–11. Л. 1; опубликовано с незначительными искажениями в СС. Т. 6. С. 337.

предотвратить возможность перевода сказок с идиша на русский. И в заключение Шолом-Алейхем пишет: «Так как г-ном Буланже руководит лишь одно желание предупредить искажение произведения автора, то мы на этот счет, значит, с ним спелись. И я ему об этом уже написал»[49].

Затем Шолом-Алейхем сообщает Толстому, что только что получил новое письмо от Буланже из Москвы, в котором тот предлагает два варианта: или русским изданием будут заниматься они сами в Киеве, выпустив его одновременно со своим сборником на идише, или же подготовка русского издания будет доверена ему, Буланже[50]. Для Шолом-Алейхема выбор был очевиден: «И т[ак] к[ак] к русскому изданию приступили мы, то о каких еще подробностях могут и должны быть между нами и г-ном Буланже разговоры?» [51]

Обращаясь к Толстому с просьбой о «наискорейшем» ответе, он подчеркивает: «...всякое Ваше указание для меня закон»[52].

Однако, когда Шолом-Алейхем 10 сентября прочел последнее письмо Толстого, он окончательно отказался от своего намерения опубликовать сказки также по-русски и принял предложение Буланже выпустить издания одновременно[53]. При этом он не преминул заметить по поводу сказок: «...от г. Черткова из Англии я пока еще никакого запроса не получил»[54].

Для Толстого эта «маленькая эпопея» была, очевидно, завершена: он отдал сказки на доброе дело, гарантировал «Рабиновичу» исключительное право на первое издание на идише и добился того, чтобы Чертков соблюдал договоренности «с еврейскими издателями». Толстой сходил со сцены: отныне переговоры

---

49 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 8 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 337.

50 См.: Там же. С. 337–338.

51 Там же. С. 338.

52 Там же.

53 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 10 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 338.

54 Там же.

должны были вестись исключительно между «Рабиновичем», Буланже и Чертковым. Но все это было лишь прелюдией к той путанице писем и телеграмм, если снова перефразировать Шолом-Алейхема, какая возникла из-за перевода неизданных сказок, судьбу которых Толстой, не просчитав возможные риски и не подумав о чаяниях оказавшихся вовлеченными в эту историю, доверил «Саломону Рабиновичу».

II

К середине сентября соглашение с Буланже было уже заключено: издание на русском языке в России выпускал в Москве «Посредник», и оно должно было выйти после публикации сказок на идише[55]. С Чертковым же — которого Толстой не единожды упоминал в своей переписке с Шолом-Алейхемом — не было достигнуто никаких договоренностей и не состоялось никакого общения.

Ситуация усложнилась, когда на сцене возник Эйльмер Моод (Aylmer Maude), переводчик Толстого на английский и автор одной из его лучших биографий[56]. Хотя Моод и был осведомлен о том, кто и каким образом распоряжался переводами новых толстовских текстов, он все равно решил обойти Черткова и в середине сентября обратился непосредственно к Шолом-Алейхему, предложив безвозмездно перевести три сказки на английский. Вероятнее всего, Моод узнал об этих текстах от своих детей, ко-

---

[55] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 339.

[56] Я имею в виду: *Maude A.* The Life of Tolstoy: First Fifty Years. London: Constable and Company, 1908; *Idem*. The Life of Tolstoy. Later Years. London: Constable and Company, 1910; второе издание было опубликовано в 1930 году (Oxford University Press); об Э. Мооде см.: *Baker W*. Maude, Aylmer (1858–1938) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 2004. V. 37. P. 394–395; *Jabboury H. A.* Constance Garnett, Alymer Maude, S. S. Koteliansk: Russian literature in England 1900–1930. PhD thesis. University of Sheffield, 1992. P. 144–220. URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/6015/1/287743.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

торые гостили в Ясной Поляне именно в те дни, когда Толстой заканчивал работу над сказками[57]. Переводчик предпринял столь искусный маневр в силу открытого конфликта с Чертковым, который, скорее всего, не доверил бы ему перевод сказок по причинам, которые мы изложим ниже. На самом деле Моод не упоминает о сказках и в переписке тех месяцев с Толстым, а только лишь просит пояснений к другим произведениям, которые в тот момент переводил[58]. Он ни разу не задает вопросов о сказках, хотя в письме от 29 августа 1903 года, написанном ему Буланже по поручению Толстого, о них говорится прямо.

> Ясная Поляна 29 Авг. 1903
> Дорогой Алексей Францевич,
> <...> Сообщаю по[ми]нутно вкратце о Л[ьве] Н[иколаевиче], зная как вы этим интересуетесь. Он чувствует себя очень хорошо, только вчерашний день суеты и множество людей утомили его. Три сказки написал для сборника в пользу кишиневских евреев и каждый день работает, работает и живет, как молодой, с прибавлением мудрости мудрого. Одним словом, все очень хорошо[59].

Шолом-Алейхем же, не зная всей подоплеки, не задумываясь и не обратившись за советом к Толстому, с легкостью отправил Мооду рукописи сказок и даже приложил к ним копию своей переписки с Толстым[60].

19 сентября н. с. Шолом-Алейхему наконец написал Чертков: ему были нужны сведения о выходе книги на идише, чтобы заранее подготовить на основе рукописей, присланных ему Толстым,

---

[57] Дети Эйльмера Моода Арнольд и Герберт приезжали в Россию и посетили Толстого в Ясной Поляне; см.: письмо Толстого к Мооду от 18 августа 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 164–165.

[58] Письма Моода к Толстому за 1903 год хранятся в ОР ГМТ (Ф. 1. Оп. 3.); а толстовские письма к Мооду за этот год опубликованы в ПСС. Т. 74.

[59] LRA. MS 1380/408. F. 1.

[60] В своем издании трех сказок Моод опубликовал и некоторые письма Толстого к Шолом-Алейхему, а именно от 6 мая, 20 августа, 7 сентября 1903 года, а также письмо Толстого к «знакомому еврею» от 27 апреля того же года.

как издание на русском (в Лондоне), так и издания на других языках, и при этом не повредить еврейскому сборнику. Однако письмо Черткова было перехвачено секретной полицией, открывшей после этого «дело о Соломоне Наумовиче Рабиновиче», и доставлено получателю лишь 24 сентября. Но все же только после Октябрьской революции стало доподлинно известно, что его переписку с Чертковым перехватила охранка, которая именно тогда начала вести наблюдение как за самим писателем, так и за всей его семьей[61].

В письме от 19 сентября н. с. — которое мы цитируем по копии, сделанной секретной полицией, — Чертков писал Шолом-Алейхему:

> Присланные вам для вашего сборника сказки Л. Н. Толстого одновременно посланы и в Англию в Редакцию «Свободного Слова». Не желая преждевременным выпуском этих сказок как на русском, так и на иностранных языках подрывать интерес к издаваемому вами сборнику, Редакция «Свободного Слова» просит Вас сообщить ей, когда именно выйдет Ваш сборник, чтобы с одной стороны не выпускать своих изданий сказок до его выхода, а с другой стороны, согласно желанию Л. Н. Толстого, иметь возможность предупредить появление за границей чужих переводов этих сказок[62].

---

[61] См.: *Галант И. В.* Охранка и Шолом-Алейхем (С. Н. Рабинович) // Евр. вестник: науч.-лит. сб. Л., 1928. С. 184–185. Копии этих документов хранятся в настоящее время в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме (см.: Central Archives for the History of the Jewish People (CAHJP). HM2/8005.6). Благодарю сотрудника архива Вениамина Лукина, любезно предоставившего мне возможность работать с ними. Из воспоминаний Вевика Рабиновича, брата Шолом-Алейхема, как будто вытекает: писатель уже тогда, в 1903 году, чувствовал, что за ним следят (см.: *Рабинович В.* Из книги о моем брате // Молодая гвардия. 1939. № 6. С. 170). Однако не исключено, что такой вывод простодушный Вевик сделал «задним числом», познакомившись с публикацией Галанта.

[62] ЦДІА УРСР (Центральний державний історичний архів УРСР, Київ, Kyïv). Ф. 1423. Оп. 1. Справи 9. Л. 2об; цитирую по копии, сохраненной в Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem (CAHJP. HM2/8005.6). Письмо было уже опубликовано: *Галант И. В.* Указ. соч. С. 184.

Когда Шолом-Алейхем прочел это письмо, было слишком поздно: копия рукописей Толстого находилась уже у Моода. В панике он тут же, не раздумывая, написал Толстому и в подробностях рассказал ему о той сумятице, которая создалась с появлением Моода. Обстоятельства — как писал Шолом-Алейхем — сложились в общих чертах такие: примерно в середине сентября он получил письмо от Моода, который, сославшись на Толстого и Буланже, просил выслать ему сказки для перевода на английский. Буланже отозвался о Мооде положительно, и тогда Шолом-Алейхем отправил ему копии рукописей на русском, попросив перечислить всю выручку от продаж в пользу жертв другого погрома, на этот раз произошедшего в Гомеле. Если он не написал сразу — оправдывался Шолом-Алейхем перед Толстым, — то лишь потому, что не хотел доставлять новых беспокойств, и если не связался с Чертковым, как сам Толстой уже давно предлагал, то лишь потому, что никто ему не сообщил адреса Черткова. С другой стороны, добавлял Шолом-Алейхем, и сам Чертков не давал о себе знать до того самого 24 сентября. Как в удручении Шолом-Алейхем уведомлял наконец Толстого, он только что написал Черткову и просил его «повидаться» с Моодом, чтобы предотвратить появление двух переводов на английский и чтобы защитить еврейский сборник, напоминая об изначальной цели, ради которой были созданы сказки. Шолом-Алейхем просил Толстого заступиться за него перед Чертковым, причастным, на его взгляд, к сложившейся ситуации. И затем добавлял, что написал также и Мооду[63].

Длинное письмо Шолом-Алейхема Черткову от 24 сентября / 7 октября 1903 года сохранилось целиком среди бумаг последнего:

> Киев, 24/7 — IX/X 1903
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> «Три сказки» Л. Н. Толстого были, по моей инициативе, написаны и месяц тому назад присланы мне для перевода мною на еврейский жаргон и для напечатания в Сборнике,

[63] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 24 сентября 1903 года // СС. Т. 6. С. 339.

который мы издаем в пользу пострадавших в Кишиневе евреев.

В одном из своих писем Лев Николаевич уведомляет меня, что ко мне обратятся два его издателя-переводчика: Буланже (Москва) и Чертков (Англия).

Буланже, действительно, обратился ко мне, и мы с ним сошлись не только, чтобы русский оригинал был издан им одновременно с еврейским Сборником, но чтобы и вся чистая прибыль поступила к нам на те же цели, которые преследует наше еврейское издание. От вас же никакого письма или запроса до сего дня не поступило, между тем как я не знал Вашего адреса. Но вот недельки две тому назад ко мне обратился с таким же предложением m-r Aylmer Maude, Great Baddon, Chelmsford, который сам предложил нам [как] свои услуги по переводу «Сказок» на Английский язык, так и издание их в Англии с тем, чтобы вся выручка (чистая) поступила в пользу нашу. При этом он сослался на Буланже и на Льва Николаевича. Получив от Буланже удовлетворительный отзыв, я не замедлил выслать г-ну Мо[о]ду копию с оригинала назад тому несколько дней. И вот вдруг Ваше любезное, но несколько запоздалое письмо! Для меня, конечно, свято то, что писал мне по поводу Вас Лев Николаевич, который считает Вас одним из близких своих друзей. Близкий друг Льва Николаевича не может быть причиною разлада в добром деле. Я поэтому осмеливаюсь просить Вас (не говорю уже о том, чтобы не выпускать своего издания в Англии до получения моей телеграммы о выходе в свет нашей еврейской книги, равно как и нашего (Московского) русского издания), нельзя ли будет Вам как-нибудь повидаться с г-ном Aylmer Maude-ом, показать ему настоящее мое письмо и устроить вообще дело так, чтобы я не остался подлецом в глазах г. Мо[о]да, которому я, впрочем, сегодня же пишу об этом. Ибо я боюсь, как бы из этого *qui pro quo* не вышло вреда нашему благому делу. А ведь речь идет о сотнях и тысячах жестоко обиженных людей. Вам, вероятно, известно, что в Гомеле произошло тоже маленькое избиение евреев, причем нам не разрешен официальный сбор пожертвований, и я рассчитывал на это издание в Англии, чтобы хоть сколько-нибудь выручить иском возможно раньше в пользу гомельских евреев. Я даже просил г. Мо[о]да прислать мне сколько-нибудь авансом.

Теперь, что касается до срока выхода нашей еврейской книги, то, наверно, пройдет еще около месяца времени, и Вы, наверно, еще успеете и перевести, и напечатать «три Сказки» к тому времени. Тем более, что наше евр[ейское] издание находится в прямой зависимости от русского (Московского) издания, находящегося теперь у цензора. Мы условились с этим Московским изданием, равно как с немецким изданием в Берлине, если таковое состоится, что всякий из нас ждет [с] выпуском своего издания до получения моей телеграммы, ибо только при такой стройной организации могут быть достигнуты лучшие результаты, не затрагивая ничьих интересов.
В ожидании Ваших приятных извещений, остаюсь готовый к услугам

С. Рабинович
ШалемАлейхем[64].

В этом письме Шолом-Алейхем, указывая на меры предосторожности, которые необходимо предпринять перед публикацией сказок на разных языках, намекает на соглашение с издателем в Берлине, имея в виду очень престижное издательство «S. Fisher» («С. Фишер»). Однако с ним писателю не удалось достигнуть договоренности, так как издатель намерен был сначала опубликовать толстовские тексты в газете. Это могло бы повредить всему делу, поскольку Шолом-Алейхему трудно было предусмотреть точные сроки выхода еврейского сборника[65]. Поэтому 1 октября 1903 года он с радостью принял предложение Августа Шольца (August Scholz, 1857–1923), известного переводчика русских классиков, перевести на немецкий язык «Сказки» Тол-

[64] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 1–3. Письма Шолом-Алейхема к Черткову были опубликованы в переводе на идиш и с комментиариями в журнале «Sovetish heymland» (1984. № 3. Z. 55–62; 1966. № 1. Z. 143). Кроме того, частично опубликованы на идише в книге: Briv fun Sholem-Aleykhem, 1879–1916. Tel-Aviv: Bet Shalom-Alekhem: Y. L. Perets Farlag, 1995.

[65] См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 1/14 октября 1903 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 136. В оригинале письмо Шолом-Алейхема написано по-русски, но в журнале дается в переводе на идиш, сопровождаемое небольшим фрагментом оригинала (в фоторепродукции). Ibid. Z. 137.

стого. В своем ответе к Шольцу Шолом-Алейхем объяснил, какому благому делу служил сборник, и предложил ему для перевода еще четыре-пять толстовских писем, а также указал время выхода еврейского сборника: не раньше конца ноября[66]. Судя по этому письму, можно утверждать, что сказки Толстого попали к Шольцу именно от Шолом-Алейхема. Но к судьбе немецкого перевода мы еще вернемся.

Тем временем Моод, получивший от Шолом-Алейхема рукописи сказок, пытался тихо организовать издание своего перевода в Англии, сознательно действуя без ведома Черткова. 6 октября н. с. он сообщает писателю и пацифисту Джорджу Герберту Перрису (George Herbert Perris, 1866–1920), который в то время был его литературным агентом, о следующем[67]:

> Толстой написал три короткие сказки (аллегории) всего около 4000 слов и отдал их Рабиновичу, еврейскому писателю, который должен был их использовать во благо евреев, пострадавших в Кишиневе, и т. д.
> Рабинович организует одновременное издание, дата которого должна быть определена Рабиновичем за несколько дней до публикации. Доходы авторов и переводчиков пойдут на помощь евреям, страдающим в России.
> По поводу авторского права, то оно должно быть сохранено, и публикация в сборнике или в брошюре должна выйти одновременно с публикацией в периодических изданиях, но чем меньше у нас будет заявлений о «правах», тем лучше. Лучше всего было бы просто ничего не сказать, кроме объявления о публикации брошюры.
> Есть время, чтобы проработать это дело. Никто не хочет иметь Черткова на пути войны до срока: но газета, которая этим займется, наверняка захочет напечатать какое-нибудь предварительное заявление.
> Если вы пойдете в «Daily News», у которой есть какие-то контакты с Чертковым, то, наверное, будет необходимо

---

[66] Ibid. Z. 136–137.

[67] См. о нем: *Gomme R.* George Herbert Perris, 1866–1920: The Life and Times of a Radical. Oxford; New York: P. Lang, 2003.

> попросить их не писать ему об этом деле. Из частного источника я узнал, что у Толстого уже была по этому вопросу неприятная переписка с В[ладимром] Ч[ертковым], и я уверен, что у В[ладимира] Ч[ерткова] уже есть в руках копия этих сказок и что он недоволен тем, что Л[ев]Толстой отдал их Рабиновичу[68].

Это его короткое послание наглядно свидетельствует о том, что Моод знал и детали всего дела — был проинформирован о переписке между Толстым и Чертковым и справедливо полагал, что в распоряжении последнего уже находилась копия сказок.

В решимости защитить свой сборник Шолом-Алейхем 27 сентября снова пишет Мооду, предлагая ему возможное решение:

> 27/10. IX/X 1903
> Многоуважаемый А. Ф. Моод!
> Получил только что Ваше любезное письмо от 6 X с приложением чека на Московское отделение <1 *нрзб.*> Ком[мерческого] Банка на 100 рублей и спешу Вас уведомить, что в тот самый день, когда я Вам писал об инциденте с г. Чертковым (Christchurch Hants England), я написал также Льву Николаевичу и просил его предупредить г. Черткова, что издание Сказок в Англии (как и в Америке) переуступлено Вам и копия уже выслана Вам. Я надеюсь, что Л[ев] Н[иколаевич], который очень заботится не только об своем произведении, но гораздо больше о помощи нуждающимся, наверно, напишет г-ну Черткову, да и я сам ему писал в тот же день и не сомневаюсь, что при добром желании Вы дойдете с ним до известного соглашения. Так или иначе, высланные Вами 100 рублей будут считаться авансом на счет издания Сказок в Америке.
> Ввиду этого предоставляется Вам по переводе Сказок на английский язык послать их немедленно в Америку и пристроить их таким образом, чтобы они отнюдь не появились на рынке ни раньше и ни позже наших других изданий. В необходимый час Вы получите от меня телеграмму из одного слова «Ready» — и этот будет наш пароль, что как

[68] Оригинал на англ. яз.: [письмо Э. Моода Дж. Г. Перрису от 3 января 1904 года н. с.] // LRA. MS 553/51. F. 2–2r.

Вы, так и Ваш доверенный в Америке можете выпустить книжку в продажу. Другим же путем сочинение это не может появиться раньше, и Вам беспокоиться нечего, что копии по рукам не ходят. Еврейским же изданием заведую я, а русским П. А. Буланже в Москве.

Вы меня обрадуете, если напишете, что и Вы уже сошлись с г. Чертковым. Я же ему пишу сегодня вторично.

Посылаю Вам также и копии большинства писем ко мне от Л. Н. Толстого, которые Вы можете перевести и напечатать при этом издании.

Что касается до чека, то на будущее время, если надобность будет, Вы потрудитесь избрать более удобный способ перевода денег, а не на Москву, да еще на 5 дней, так что, приди он днем позже, его пришлось бы возвратить Вам обратно.

Жму Вашу руку

С. Рабинович

Прошу сообщить мне Ваш точный адрес почтовый и телеграфный[69].

Всего через несколько дней Шолом-Алейхем снова обращается к Черткову, чтобы уведомить его о том, что Моод уже отправил ему сто рублей и что из-за задержки, связанной с цензурой, сборник на идише выйдет не раньше чем через месяц или два.

30/13–IX/X.1903

Многоуважаемый г. В. Чертков!

В дополнение к тому, что я Вам писал, я должен уведомить Вас, что от г-на Aylmer Maud'a поступило 100 рублей в счет издания «Сказок» по-английски, копию которых он уже получил и, вероятно, приступил к переводу. Это раз. Второе, что сегодня я получил письмо из Варшавы, где печатается наш (еврейский) Сборник, что, по независящим от редакции обстоятельствам, некоторые важные статьи его должны быть изменены, вследствие чего издание затянется еще на месяц или два, так что раньше конца нашего ноября нечего даже и думать. Об этом я уже писал и г-ну Мооду и Вас также прошу принять к сведению. О действительном же

---

69 LRA. MS 1380/1643. F. 1–2.

> выходе в свет Вы будете оповещены за 2 недели раньше. Жду Вашего ответа на предыдущее и на это.
> Готовый к услугам
>
> С. Рабинович[70]

Поскольку Чертков не стал утруждать себя ответом, а Толстой никак не отреагировал на его последнее письмо, Шолом-Алейхем, в попытке разрешить мирным путем досадное недоразумение, 3 октября, находясь в Киеве на вокзале, откуда собирался отправиться в Гомель, пишет на телеграфном бланке письма Черткову, Буланже и Толстому (в каком порядке они были написаны, нам неизвестно).

Шолом-Алейхем заклинает Толстого вмешаться в инцидент с Чертковым и Моодом и даже предлагает ему возможное решение конфликта: оставить Черткову издание на русском за границей, а Мооду разрешить опубликовать сказки на английском[71]. Он боялся, что это явное соперничество, это состязание за первенство перевода на английский повредит еврейскому сборнику, который из-за проволочки с цензурой мог выйти не раньше, чем через месяц или полтора[72].

Буланже он умоляет обратиться к Толстому с просьбой, чтобы тот убедил Черткова уступить Мооду издание на английском:

> Собираясь в Гомель, на место погрома, пишу Вам с вокзала это письмо. Я Вам уже сообщал, что вследствие некоторых цензурных требований мой сборник несколько затянулся и нельзя рассчитывать, чтобы он успел выходить раньше 1-ого Декабря. Это раз. Второе то, что вынужден был писать сегодня вторично Льву Николаевичу про инцидент Моот[73]–Чертков и просил его заступиться, повлиять на Черткова, чтобы он, Чертков, издал сказки по-русски в журнале

---

70 РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 4.

71 См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 3 октября 1903 года // СС. Т 6. С. 340.

72 См. там же.

73 В этом письме Шолом-Алейхем пишет на русском фамилию «Maude» двумя способами: «Моот» или «Моод» (обычно принято писать «Моод»).

> «Св[ободное] Слово», в Лондоне, а перевод и издание по-английски предоставил Мооту. Я писал Льву Николаевичу, что я боюсь, как бы эти два ревностных его поклонника из поклонения к нему не натворили бы нам беды, предупредив друг друга своим изданием и выпустив «Сказки» раньше времени и тем повредив и еврейскому сборнику, и Московскому изданию. Думая, что Вы, которого Л[ев] Н[иколаевич] считает своим близким другом (его собственные слова), могли бы настоять, чтоб Л. Н. написал Черткову, дабы уступил английское издание Мооду, раз я уже вошел с ним в соглашение и уже послал ему копию «Сказок»[74].

На бланке телеграммы он пишет Черткову, уговаривая его позволить Мооду выпустить издание на английском:

> Киев, 3/16 X 03
> Многоуважаемый г. В. Чертков!
> Вы, надеюсь, простите меня, что я вынужден был о моем инциденте с Моодом сообщить Льву Николаевичу, так как, вследствие Вашего слишком позднего ко мне обращения, я вынужден был в свое время войти в соглашение с Моодом, из которого я теперь выйти не могу. В данном случае мы все преследуем ведь одну цель, поэтому я думаю, что для Вас это ничего не составит, если Вы издадите «Сказки» на русском языке (в Англии), а перевод их и изд[ание] английское Вы уступите г-ну Мооду, которому я уже давно их выслал. Во всяком случае, ввиду того что наше еврейское издание, вследствие цензурных условий, затянулось и выйдет едва ли раньше 1-ого декабря, то я очень боюсь, чтобы кто-нибудь не предупредил нас в Англии и тем не повредил нам здесь, в России, как евр[ейскому] изданию, так и изданию русскому в Москве («Посредник» через П. А. Буланже), что было бы весьма и весьма грешно.

---

[74] Письмо Шолом-Алейхема к Буланже от 3 октября 1903 года // ЦДІА УРСР (Центральний державний історичний архів УРСР, Київ). Ф. 1423. Оп. 1. Справи 9. Л. 2; цитирую по копии, хранящейся в Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem: CAHJP. HM2/8005.6. Письмо уже было опубликовано не полностью и с незначительными искажениями в: *Галант И. В.* Указ. соч. С. 184.

> Извините, что пишу Вам на тел[еграфном] бланке, я собираюсь сейчас в Гомель на место погрома и поэтому пишу Вам с вокзала это письмо.
> Жду ваших благоприятных известий,
> Уважающий Вас
>
> С. Рабинович[75]

Толстой не ответил и на послание, отправленное с киевского вокзала, и Шолом-Алейхем не осмелился больше затрагивать этот вопрос[76]. Зато к нему вернулся Чертков, который 19 октября н. с. наконец откликнулся на письмо Шолом-Алейхема от 30 сентября (13 октября) 1903 года, высылая копию Толстому.

> Многоуважаемый
> Саломон Наумович,
> Письмо Ваше от 30/13 IX/X 1903 г. я получил. Содержащееся в нем второе сообщение о том, что раньше конца нашего (русского) издания не может появиться книга, очень облегченно было для меня, т[ак] к[ак] в противном случае пришлось бы чересчур спешить в переговорах со здешними и американским издателями, и поэтому не так выгодно для Вашей (и в этом случае — нашей) общей цели поместить рассказы. Дело мне налаживается хорошо, и мы надеемся извлечь наибольшую прибыль от английского и американского изданий, какую только возможно при нынешних обстоятельствах.
> Знать окончательный срок за две недели для меня очень важно по причинам, которые было бы слишком долго объяснять. Очень прошу вас не отступаться от вашего обещания оповестить меня за две недели раньше выдачи книги в России.

Чертков дает Шолом-Алейхему четкие указания относительно того, как следует вести себя с Моодом:

---

[75] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 5–5 об.

[76] На конверте письма Шолом-Алейхема к Толстому от 3 октября 1903 года почерком Буланже написано следующее: «Из Киева. От Рабиновича об издании 3 сказок Бул[анже] ответил 6. X. 03.» // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2. № 180/108–14. Ответ Буланже нигде не сохранился.

> ...написать поскорее г. Мооду самое ясное и категорическое письмо, сообщая ему, что вышли Вы с ним в деловые сношения по недоразумению, не зная, что дело это уже непосредственно поручено Л. Н. Толстым одному только мне, что поэтому Вы видите, что не имеете права распоряжаться никакими разрешениями в связи с изданием этой книги в Англии и Америке (не забудьте упомянуть про Америку), а обязаны предоставить это мне как тому, которому Л. Н. Толстой поручил это с самого начала. Прибавьте, что Вы возвращаете ему его 100 р., которые он должен получить от нашего издательства. Я же тотчас же по получению Вашего письменного поручения доставлю г-ну Мооду эти деньги. А те 100 р., которые Вы получили от г-на Моода, считаете после того, как полученные от нашего издательства «Свободного Слова».

И дальше намекает о переговорах с другими издателями, вряд ли закончившихся успешно:

> Иначе разрезать эти недоразумения праведно нет возможности, так как я в качестве уполномоченного по заграничным изданиям Л. Н. Толстого уже вышел по этому делу в разные уговоры с разными лицами в Англии и Америке и отменить что-либо из этих уговоров значило бы подвести самого Льва Николаевича и выставить его изменяющим своему слову; между этим как на самом деле он всегда замечательно твердо придерживается раз установленному между им и мною порядку ведения дела заграничных его изданий, — дела, как я Вам уже писал, очень для меня сложного и вести которое не было бы невозможности при малейших колебаниях со стороны Льва Николаевича.

Заканчивает письмо Чертков так:

> Надеясь, следовательно, что категорическим отказом г. Мооду вы восстановите правильное отношение между всеми нами в этом деле и этим предупредите большие неприятности для всех нас (и страдания для меня),
> Остаюсь почтительно преданный Вам.
>
> В. Чертков[77].

---

[77] [Письмо (копировальный дубликат автографа) Черткова к Шолом-Алейхему от 19 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 8. Инв. № 54/1. Л. 1–5.

Но вернемся опять к Мооду. 7 октября н. с., изображая наивную неосведомленность обо всех тонкостях ситуации, он уведомляет Толстого, что уже приступил к переводу сказок, отправленных ему Шолом-Алейхемом, и при этом даже не упоминает имени Черткова:

> Любезный мой друг,
>
> С. Н. Рабинович прислал мне ваши 3 сказки для перевода и издания в пользу евреев. Я очень рад, что они у меня, и вместе с женой мы начали переводить их с большим удовольствием. Я отправил Рабиновичу немного денег авансом и сказал ему, что мы выполним эту работу безвозмездно и отправим ему все, что мы сможем собрать здесь и в Америке.
> Но теперь, когда кажется, что все хорошо улажено, я снова чувствую себя неловко, думая о том, что вы, может быть, не одобрите того, что мы взялись за дело. Потому я и пишу вам, чтобы сказать, что вам следует только дать знать о ваших желаниях, и они все будут исполнены: я не хочу делать ничего против вашей воли и вполне исполнен стремления подчинить свои собственные желания вашим.
> Времени у нас остается мало, особенно поскольку договоренности должны быть достигнуты в Америке заблаговременно, и поэтому я хотел бы попросить вас отправить мне телеграмму в случае, если вы не желаете, чтобы я не делал то, о чем просит Рабинович. Он публикует одновременно издание во Франции, Германии, Англии и России; издание на идише должно выйти на 7 дней раньше. <...>
>
> Очень искренне Ваш
>
> Эйльмер Моод
>
> P. S. Если у вас нет пожеланий и советов для меня относительно публикации сказок, пожалуйста, уведомите меня открыткой, что Вас это не интересует и что я могу устроить дело с Рабиновичем[78].

---

[78] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Толстому от 7 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/ 18–1. Л. 1–1об.

Толстой получил письмо Моода 28 сентября[79], однако не ответил ему, как не ответил и Шолом-Алейхему: конфликты, которые возникали каждый раз, когда он писал что-то новое, глубоко его огорчали. Но все-таки он не совсем пренебрег просьбой Шолом-Алейхема, и из некоторых писем Буланже, до сих пор не изданных, мы понимаем, что Толстой стремился «защитить» сборник на идише и повлиять, пусть даже косвенно, с помощью третьих лиц, как на Моода, так и на Черткова.

6/19 октября 1903 года Буланже, гостивший в Ясной Поляне[80], передает Черткову желание Толстого:

> Дорогой Владимир Григорьевич, из писем Рабиновича, одного из издателей еврейского сборника в пользу пострадавших в Кишеневе евреев, можно заключить, что явилось какое-то недоразумение при издании этих сказок. Лев Николаевич просит меня написать по этому случаю тебе, Мооду и Рабиновичу.
> Л. Н. по просьбе издателей сборника в пользу пострадавших евреев предоставил им свои три сказки, и издатели, естественно, желают выручить возможно больше денег от издания подаренных им сказок, тем более что после Кишинева разра[зи]лся погром в Гомеле и в пользу пострадавших там даже запрещено открыто делать сборы.
> Узнав об издании сказок в сборнике, Моод предложил издателям свои услуги по бесплатному переводу их на английский язык и издать в Англии и Америке с тем, чтобы они выручили и от английского издания. Это было вполне подходящим для издателей, и они сговорились с Моодом относительно срока выпуска в свет издания и т. п.
> Теперь Рабинович пишет о каких-то недоразумениях с тобой и о том, что ты можешь напечатать в «Свободном слове»

---

[79] На конверте этого письма кто-то — судя по почерку, сам Буланже — написал: «Моод спрашивает, не будет ли неприятно Л. Н-у, что он издает по поручению Рабиновича по-английски три сказки. Буланже ответил 6. X [19]03, что Л. Н. будет приятно, чтобы издатели получили больше выгоды» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/ 18–1).

[80] См.: *Шохор-Троцкий К. С.* Хронологическая канва жизни и творчества Толстого за 1900–1903 гг. // ПСС. Т. 54. С. 389.

> сказки эти раньше, чем они появятся по-еврейски и английски, и тем нанесешь значительный материальный ущерб им. Л. Н. поручил рассказать тебе в чем дело и просит тебя и Моода уладить это дело так, чтобы издатели еврейского сборника не пострадали материально, так как неискаженный текст сказок можно напечатать в «Св[ободном] Сл[ове]» одновременно с английским изданием.
> Одновременно с этим письмом пишу и Мооду о том же и прошу его списаться с тобой[81].

В тот же день, также от имени Толстого, Буланже пишет с деликатностью и Мооду:

> Ясная Поляна 6/19 окт. 1903
> Дорогой Алексей Францевич, по поручению Л[ьва] Н[иколаеви]ча я только что написал В. Г. Черткову, прося его содействие в том, чтобы Рабинович при посредстве вашем выручил от издания сказок на английском языке возможно больше для своих целей и просил его списаться с Вами насчет срока напечатания и чтобы появление русского текста в «Своб[одном] Слове» не предшествовало появлению английского перевода. Сообщая Вам об этом, прошу, уладьте могущие быть недоразумения заблаговременно и хорошо. Этим самым отпадает необходимость ответа Л. Н. на письмо Ваше, где Вы спрашиваете, не будет ли ему неприятно, что вы взялись за перевод и издание его сказок. Ему приятно, чтобы издатели еврейского сборника выручали для своих целей возможно более[82].

Очень вероятно, что Буланже написал и Рабиновичу, о чем свидетельствует одна его личная записка; само же письмо не сохранилось[83]. Попытка Толстого (через Буланже) уладить конфликт, предоставив Мооду английскую версию, а Черткову — русскую за границей, ни к чему не привела. Чертков и Моод в то

[81] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 287. Л. 1–2.

[82] [Письмо Буланже к Мооду от 6/19 октября 1903 года] // LRA. MS 1380/ 407. F. 1.

[83] См. выше сноску 79.

время не общались напрямую, и их переписка, по решению Черткова, должна была вестись исключительно через третьих лиц. Тем не менее Шолом-Алейхем продолжал надеяться, что все разрешится мирно: в конце концов, полагал он, «близкий друг Льва Николаевича не может быть причиною разлада в добром деле»[84].

Совершенно очевидно то, что Шолом-Алейхем не был в курсе отношений Черткова и Моода и, конечно же, не мог себе вообразить, что несколько лет тому назад, когда на английский переводилось «Воскресение», между ними разгорелась самая настоящая война, которая затянулась еще на много лет, если не до конца жизни.

20 июля н. с. 1903 года Чертков признавался Толстому: «Моод, это мне "больное место". Когда в действительности он мне "больное место" только в том смысле, что вот уже сколько лет он меня систематически травит со всех сторон, со всем хладнокровием и всей настойчивостью английского "business man"»[85].

III

Тут в нашей истории открывается новая глава, которую нам только предстоит написать: речь идет о конфликте между Чертковым и Моодом, разгоревшемся в последние годы XIX века и, казалось бы, затрагивавшем, прежде всего, проблему авторских прав на переводы Толстого.

Как уже упоминалось выше, в 1897 году Чертков был выслан из России за то, что подписал вместе с другими последователями Толстого воззвание в защиту духоборов[86], то есть «духовных

---

84 [Письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 24 сентября / 7 октября 1903 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2362. Л. 2.

85 ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 353. Л. 2об.

86 Помогите! Обращение к обществу по поводу гонений на кавказских духоборов. Составленное П. Бирюковым, И. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Льва Николаевича Толстого. Лондон: Изд. Вл. Черткова, 1897.

христиан», сопротивлявшихся обязательной воинской повинности. Он был вынужен поселиться в Англии и добился разрешения вернуться в Россию только в 1908 году. Чертков провел в изгнании одиннадцать лет, публикуя сочинения Толстого и лично распространяя его учение; в 1898 году основал издательство «Свободное слово», чтобы печатать по-русски те произведения Толстого, которые на родине были запрещены или подвергались цензуре. В этом же издательстве он печатает целый ряд текстов и выпускает два периодических издания («Свободное слово» и «Листки свободного слова»), обличающих тогдашний произвол русских властей.

Первоначально Чертков поселился в районе Перлея (графство Эссекс) — там, где в 1894 году писатель и последователь Толстого Джон Кенворти (John Coleman Kenworthy, 1860 — не ранее 1905 года) основал «Братскую церковь Кройдона» (Croydon Brotherhood Church) — колонию, вдохновленную идеями толстовства, у которой была своя газета «Новый порядок» (The New Order) и издательство («Братское издательство», Brotherhood Publishing Company)[87]. В 1896 году Толстой по непосредственому предложению Черткова[88] предоставил Кенворти право на перевод и первую публикацию своих новых произведений:

> Мой дорогой друг,
> Всем сердцем сочувствуя целям Братского издательства, я намерен предоставить в ваше распоряжение право первого перевода всех моих писаний, как до сих пор не опубликованных, так и будущих. Если бы вы нашли почему-либо более удобным, — например, чтобы обеспечить им более широкое распространение, — предложить первую публикацию каких-либо моих сочинений какой-нибудь английской газете или журналу, и если бы отсюда воспоследовала денежная прибыль, то я желал бы, чтобы эта прибыль была употреблена на дело вашего Братского издательства.

---

[87] См.: *Holman Michael J. de K.* The Purleigh Colony: Tolstoyan Toghetherness in the late 1890s // New Essay on Tolstoy / ed. by M. Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 194–222.

[88] См.: письмо Черткова к Толстому от 1 февраля 1896 года // ПСС. Т. 87. С. 352.

> Что касается дальнейшего права издания моих сочинений (т. е. после этой первой публикации на английском языке, которую я намерен предоставить в ваше распоряжение), то они становятся общественным достоянием, согласно с моим распоряжением, сделанным мною раньше, и которое я теперь желаю подтвердить.
> Уважающий вас
>
> Лев Толстой
>
> Москва, 4 фев. 1896[89]

В 1897 году из Москвы в Англию переехал и Моод, поселившись, как и Чертков, в окрестностях Перлея. Однако его переезд был добровольным, обусловленным то ли желанием изменить свою прежнюю жизнь — он занимался торговлей коврами, — то ли стремлением полностью посвятить себя переводу произведений Толстого. Их первая встреча в 1888 году и последующее общение стали причиной радикального внутреннего перерождения Моода. Впервые он опубликовал свой перевод толстовского текста — английскую версию «Что такое искусство?» — в 1898 году в «Братском издательстве» как приложение к журналу «Новый порядок»[90]. Эта работа, выполненная вдумчиво, внимательно и профессионально[91], заслужила одобрение Толстого, который написал Мооду 15 декабря 1899 года: «Вашу книгу *What is Art?* я получил и с большой радостью прочел ваше введение. Вы превосходно и сильно выразили основную мысль книги»[92].

---

89 Письмо Толстого Джону Кенворти от 4 февраля 1896 года // ПСС. Т. 69. С. 33; оригинал на англ. яз. опубл. впервые в книге: *Maude A.* The life of Tolstoy. Later Years. P. 516.

90 *Tolstoy L.* What is Art? / Transl. by A. Maude, embodying the author's last alterations and revisions. London: Brotherhood Publishing (1a ed.: The New Order, Extra; 1898. Jan, March, May).

91 На эту тему см.: *Алексеева Г. В.* Трактат Л. Н. Толстого «Что такое искусство?»: диалог переводчика и писателя // Яснополянский сборник, 2012: Статьи, материалы, публикации. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2012. С. 321–331.

92 Письмо Толстого к Мооду от 15 декабря 1890 года // ПСС. Т. 72. С. 270–271. Толстой имел в виду *Tolstoy L.* «What is art?» / Translated from the Original Russian MS, with an Introduction by Aylmer Maude. London: Walter Scott Ltd [1899].

Вынужденный переезд Черткова в Англию расстроил как издательские планы Кенворти, так и грандиозные замыслы Мооды. Когда в 1898 году Толстой назначил Черткова своим «единственным литературным представителем за пределами России», привилегия, дарованная Кенворти всего лишь два года назад, потеряла всякую силу, так как впредь любой, кто намеревался перевести или издать новое сочинение Толстого, в том числе и Моод, был обязан сначала договориться об этом с Чертковым.

Зимой 1900 года Чертков окончательно переехал в Крайстчерч (графство Хэмпшир): приобрел трехэтажный кирпичный дом — Тактон-хаус (Tuckton House), к которому прилегали огромный сад и постройка, приспособленная им под типографию[93]. Именно в Тактон-хаусе Чертков открыл новое издательство The Free Age Press (далее указано как «F. A. P.»), английское отделение «Свободного слова»[94].

Таким образом, Чертков мог наконец-то обращаться к английским читателям, выпуская в свет новые сочинения Толстого, в том числе фрагменты из его личной переписки или из дневников, что способствовало популяризации идей толстовства. Чтобы упростить задачу, для которой было создано новое издательство, Чертков использовал ряд приемов, частично уже опробованных в России в эпоху «Посредника»: прежде всего, решил продавать все книги по низкой цене от шести пенсов (минимум) и до шести фунтов (максимум), в зависимости от формата. При помощи носителей языка, а также некоторых русских эмигрантов, хорошо знавших язык[95], он лично занимался переводом толстовских

---

[93] The Free Age Press (English Branch). Joint Editors: V. Tchertkoff, A. C. Fifield. Manager: A. C. Fifield. 1900–1902. A Brief Statement of its Work, by A. C. Fifield, 1933 // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 28.

[94] О «Free Age Press» см.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42, ед. хр. 24; см. также: *Michael J. de K. Holman*. Translating Tolstoy for the Free Age Press: Vladimir Chertkov and His English Manager Arthur Fifield // The Slavonic and East European Review, 1988. Vol. 66. № 2 (Apr.). P. 184–197; *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 556–559.

[95] См.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 45–46. Сохранились, в частности, и письма Черткова (за 1897–1906 годы) к Фанни Марковне Личкус, вдове русского революционера С. М. Степняка-Кравчин-

текстов и стремился максимально сохранять близость к оригиналам[96]. По требованию Черткова переводы печатались анонимно, в качестве своего рода «проверки на гордость, тщеславие или честолюбие» («check on pride, vanity or ambition»)[97].

Летом 1901 года Чертков все же отошел от принципа полной анонимности и стал указывать сначала инициалы, а потом полное имя переводчика[98]; кроме того, в соответствии с решением Толстого, который отказался от прав на свои сочинения, написанные после 1881 года, и желая дать максимальное распространение своим переводам, он вывел все издания F. A. P. из-под действия закона об авторском праве и на титульном листе каждой книги помещал надпись: «Права не охраняются» («No Rights Reserved»)[99].

F. A. P. было только одним из мощных инструментов в руках Черткова: будучи единственным литературным представителем Толстого за границей, он обладал колоссальной властью, которой Толстой наделил его в 1898 году. Действительно, иметь исключительные права на первое издание на английском или располагать разрешением автора на перевод в стране, где в то время не суще-

ского (1851–1895), в изгнании в Лондоне с 1884 года; эти письма свидетельствуют о способе перевода Черткова, который, например, 9 ноября 1898 года н. с. писал Фанни Марковне: «Могу ли я от времени до времени обращаться к Вам с просьбой переводить на англ. язык то, с чем не имею возможности справиться?» (РГАЛИ. Ф. 1158 [личный фонд С. М. Кравчинского]. Оп. 1. Ед. хр. 795. Л. 7).

96 *Alston Ch.* Tolstoy and His Disciples. The History of a Radical International Movement. London: I. B. Tauris & Co., 2014. P. 56.

97 The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 33.

98 The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 44. А. Файфильд в другом отчете, более коротком, чем упомянутый выше, пишет, что Чертков принял это решение, чтобы отделить их работу от работы Моода, «который теперь не захотел предоставлять свои переводы, поскольку не мог сохранить авторские права на них» (The Work of the Free Age Press (English Branch), from 1900 to 1902, by A. Fifield. Manager // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 42. Ед. хр. 24. Л. 5; оригинал на англ. яз.).

99 См.: *Holman Michael J. de K.* Translating Tolstoy. P. 189–191; Maude A. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 556–559.

ствовало никаких соглашений с Россией по вопросам авторского права, было делом крайней важности[100]. Перевести текст с русского мог кто угодно, но если перевод был уже сделан — и неважно, каким было его качество, — мало кто из издателей подвергал себя риску заказать новый[101]. Если добавить к этому, что переводы, напечатанные F. A. P., могли воспроизводиться кем угодно, кажется очевидным, что распространять новый перевод, пусть даже более качественный, было делом трудным, если не невозможным. Моод резко критиковал издательскую политику Черткова, обвиняя его в присвоении того, о чем мечтал каждый, а именно — прав на первую публикацию и перевод; взамен же Чертков предоставлял всем то, что никому не было нужно: право воспроизводить «переводы, которые часто были сами по себе очень плохими»[102].

Моод не подчинялся издательским требованиям Черткова и, когда у него была возможность сотрудничать с F. A. P., выставлял на титульном листе свое имя. «Из разных переводчиков только имя Эйльмера Моода было единственным указанным в издании», — пишет в своих воспоминаниях один из первых сотрудников F. A. P.[103]. Иногда Моод просил вознаграждения[104]. Однако главным образом он претендовал на то, чтобы сохранить за собой права на перевод[105]. Эта позиция Моода никак не

---

[100] См.: *Maude A*. Translations of Tolstoy // The Saturday Review — 1905–28 January P. 110. Россия не присоединилась к Бернской конвенции (1886).

[101] *Holman Michael J. de K.* Half a Life's work: Aylmer Maude brings Tolstoy to Britain // Scottish Slavonic Review, Spring 1985. № 4. P. 40.

[102] *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 559; в новом издании биографии Толстого 1930 года Моод все-таки смягчил тон, заменив предыдущее утверждение на: «A heterogeneous assortment of translations of varying quality» (цит. по: *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 1930. P. 773).

[103] Ориг. на англ. The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 34.

[104] *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 558.

[105] *Maude A*. The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 19301]. P. 772–773.

сдерживала Черткова: на каждом экземпляре, изданном F. A. P., он все равно печатал общую формулировку: «No Rights Reserved»[106].

Моод считал, что обладает всеми необходимыми качествами, чтобы стать основным переводчиком Толстого на английский: он был носителем этого языка, знал русский и пользовался уважением и доверием писателя. «Лучшего переводчика я не желаю и по вашему знанию обоих языков, и по вашей строгости к себе, во всяком случае», — писал ему Толстой в конце 1898 года[107]. Однако Мооду не хватало лишь одного, но решающего фактора, а именно расположения Черткова, которое можно было получить только в обмен на безоговорочное принятие его издательских условий.

Их конфликт — естественно или искусственно — разгорался вокруг проблемы прав переводчика. В 1899 году Моод отклонил предложение Толстого перевести на английский «Воскресение», объясняя отказ тем, что ему тяжело сотрудничать с Чертковым — в частности, он упоминал сложную ситуацию с правами на перевод[108]. Мы не знаем наверняка (и только скрупулезное архивное исследование может развеять наши сомнения), был ли их конфликт обусловлен также и профессиональным соперничеством, тем более что Моод крайне скептически оценивал переводы, сделанные F. A. P.[109]. Артур Файфильд (Arthur Fifield), соиздатель F. A. P. с 1900 по 1902 год, в своих воспоминаниях о том времени утверждает, что каждый из них «хотел быть единственным распространителем слова Толстого»[110].

---

106 Ibid. P. 773. Только для перевода романа «Воскресение» было объявлено «Copyright reserved» (см.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 44).

107 Письмо Толстого к Мооду от 30 декабря 1899 года // ПСС. Т. 71. С. 520.

108 См. письмо Моода к Толстому от 13 и 14 января 1899 года н. с., опубликованное в русском переводе в ПСС. Т. 72. С. 29–30.

109 См.: *Maude A.* The Life of Tolstoy. Later Years. P. 668–670 (Appendix I. English Translations of Tolstoy).

110 Оригинал на англ. яз.: The Free Age Press... // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 42. Ед. хр. 24. Л. 49.

Кроме того, нельзя оставить в стороне и тот факт, что с Чертковым действительно было трудно работать[111]: часто его описывали как человека страстного и деспотичного. По свидетельству последнего секретаря Толстого, Валентина Булгакова, у всех рано или поздно возникали с ним разногласия[112].

Вероятно, сложные отношения Черткова и Моода окончательно испортились в конце 1901 года, когда последний напечатал полемическую статью «A Report and Account of the "Resurrection" Fund and of difficulties encountered in administering it» («Сообщение и отчет о трудностях, встретившихся в процессе издания "Воскресения"»): в ней он раскрывал непростую ситуацию, сложившуюся вокруг английского издания романа и продолжавшуюся примерно два года, с 1899-го по 1901-й[113].

Речь идет о крайне запутанной истории, в которой до сих пор остается много темных мест. В статье «Report» [«Сообщение»] Моод утверждает, что Чертков, якобы не справившись с подготовкой издания, в конечном счете перепоручил это дело Луизе Моод (Louise Maude, 1855–1939), жене Эйльмера, поясняя свое решение так: «Прошу заявить, что вы можете действовать свободно, распоряжаясь своим переводом "Воскресения", что я не буду вмешиваться в ваши действия каким-либо образом...»[114]

Луиза договорилась с американским издателем (Dodd, Mead & Co.) о публикации, защищенной авторским правом: установленное вознаграждение следовало перевести духоборам, чтобы

---

[111] См.: *Maude A.* The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 19301]. P. 782.

[112] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь. Воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого. Slavic research group at univ. of Ottawa (Группа славянских исследований при Оттавском ун-те), Российский гос. арх. лит. и искусства, Гос. музей Л. Н. Толстого. М.: Кучково поле, 2012. С. 285.

[113] Я имею в виду: A Report and Account of the «Resurrection» Fund and of difficulties encountered in administering it / Published by Aylmer Maude. Great Baddow, Chelmsford, 1901.

[114] Оригинал на англ. яз.: письмо Черткова к Луизе Моод от 3 ноября 1898 года, цит. по: A Report and Account... P. 7.

помочь им выехать из России в Канаду[115]. Из рассказа Моода мы, кроме того, узнаем, что Чертков позволил себе пообещать перевод, сделанный Луизой Моод и на этот раз не защищенный авторским правом, Фрэнку Хендерсону (Frank R. Henderson), сменившему Кенворти в 1898 году в качестве управляющего Brotherhooh Publishing Co.:

> Мы также узнали от В. Черткова, что он уже договорился с Ф. Р. Хендерсон. <...> Новость об этой договоренности с менеджером «Братского издательства» («Brotherhood Publishing Co.») была для нас неожиданностью и разочарованием. Это не передало авторские права Ф. Р. Хендерсону, но лишило книгу большей части ее ценности для других, и у нас были основания рассматривать Ф. Р. Хендерсона и его компанию как самых нежелательных издателей произведения[116].

На экземпляре «Сообщения», который Моод отправил Анне Константиновне (урожденной Дитерихс, 1859–1927), жене Черткова, вместе с длинным письмом, Чертков сделал примечание, имеющее отношение именно к вышеприведенной цитате: «Госпожа Моод разрешила мне заявить: “Права не защищены”»[117].

Решение Черткова (мы не знаем, была ли о нем осведомлена госпожа Моод или нет) вкупе с не совсем прозрачным ведением дел Хендерсоном (с которым Моод уже вступал в конфликт из-за английского перевода «What is Art?») вызвало удивление и досаду супругов. Однако, зная, каким влиянием на Толстого обладает Чертков, они все же пытались смириться с новым положением дел и договориться с Хендерсоном о 15 процентах с продаж, которые, естественно, должны были быть перечислены в пользу

---

[115] A Report and Account... P. 7. Роман публиковался Dodd, Mead & Co. в период с апреля 1900 года по август 1901 года; отдельное издание: Resurrection, a Novel by Leo Tolstoy, translated by Mrs. Louise Maude, with illustrations by Pasternak. New York: Dodd, Mead & Company, 1900.

[116] Оригинал на англ. яз.: A Report and Account... P. 8.

[117] Оригинал на англ. яз.: [экземпляр «Сообщения» вложен Моодом в его письме к Чертковой А. К.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1257. Л. 27.

духоборов. Результаты этого сотрудничества были, как и предвидел Моод, малоплодотворными: Хендерсон, как всегда, не выполнил взятых на себя финансовых обязательств[118], и спустя два года тяжб супруги решили выпустить новое, исправленное издание «Воскресения» в лондонском издательстве «Grant Richards» («Грэнт Ричардс»)[119].

В своей статье «Сообщение» Моод не ограничился обличением закулисной стороны подготовки английского издания «Воскресения» — он позволил себе и личные замечания в адрес Черткова, весьма безапелляционно высказываясь о том, что уже стало его идеей фикс, то есть о вопросе авторских прав:

> «Никакого авторского права» — это, может быть, хорошо, а «никаких денежных принципов», может быть, превосходно. Но истинный прогресс и здоровый рост не заключаются ни в этих, ни в каких-либо других *показных* принципах. Существенным условием движения к прогрессу является желание совершенствоваться, и мы оказываем больше помощи другим, давая их духу возможность развиваться, чем самыми строгими правилами и жестоким осуждением. Даже если бы мы отдали все наше имущество на пропитание бедняку, а наши тела на сожжение, без любви это нам ничего не принесет. Мы не можем задавать тон другим. <...> Прежде чем мы создадим то или иное новое правило и совершенно новую заповедь и энергично призовем к ней других, давайте посмотрим, где мы на самом деле находимся: являются ли эти деяния неизбежным свидетельством роста в нас истинного и любящего духа и нет ли чего-то произвольного и своевольного в них[120].

Скорее всего, Моод не был в состоянии трезво оценить реакцию, которую его слова могли вызвать у тех, кто их прочел,

---

[118] См.: A Report and Account... P. 10. Роман вышел в переводе Луизы Моод (Resurrection. London: The Brotherhood Publishing & Co., 1900).

[119] *Leo Tolstoy*. Resurrection. A Novel / Translated from the Russian by Louise Maude. Complete and Final Edition. London: Grant Richards, 1903.

[120] Оригинал на англ. яз.: A Report and Account... P. 17.

и в первую очередь у Черткова. Наоборот, он наивно верил, что все эти разногласия не повредят их дружескому сотрудничеству в профессиональной сфере [121].

Чертков же нашел недопустимыми и несправедливыми отдельные высказывания Моода. Прежде всего, он не готов был терпеть, что тот позволил себе судить о его личных отношениях с Толстым. В заметках Черткова на полях «Сообщения» среди прочих комментариев читаем также: «Я считаю абсолютно неуместным, что Э. Моод поместил в издании свои замечания относительно моих личных отношений с Толстым, которые носят совершенно частный характер, ни в коей степени не касаются Э. Моода и о которых он не может судить, не зная подробностей дела»[122].

Толстой, естественно, не одобрил поступка Моода: этот выпад, по его мнению, не только не внушал доверия, а наоборот, разжигал недобрые чувства в Черткове.

> 1901 г. Декабря 23. Гаспра.
> Любезный друг Моод,
> Я получил ваше письмо и статью. Мне очень жаль, что вы написали ее.
> Вы огорчили этим и не только не усилили чувства любви — а это главное дело жизни — в душе близкого вам человека, Черткова, а, напротив, вызвали в нем недобрые чувства — ничем не выражаемые, но невольно испытываемые им.
> Всякие соображения, отчеты, пожертвования не весят ничего в сравнении с нарушением любви. Я понимаю, что многое вам было неприятно, и вы не воздержались, как это случается со всеми нами, и потому не осуждаю вас, но, любя вас, указываю вам на то, что кажется мне вашей погрешностью.
> Пожалуйста, простите меня, если я этим сделал вам неприятное[123].

---

[121] См.: Ibid. P. 5.

[122] Оригинал на англ. яз.: [записка с возражениями на «A Report and Account of the "Resurrection" Fund and of difficulties encountered in administering it»] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 122. Л. 1.

[123] Письмо Толстого к Мооду от 23 декабря 1903 года // ПСС. Т. 73. С. 172–173.

Моод и Чертков не ладили не только из-за «Воскресения» — эта история была лишь самым ярким проявлением конфликта. Борьба велась за исключительное право на издание романа Толстого, хотя Софья Андреевна считала, что речь шла еще и об экономическом интересе: «Они, как хищные птицы, вцепились в “Воскресение”, и каждый из них желал извлечь свою денежную выгоду из перевода этого произведения»[124].

Итак, если Моод хотел переводить новые тексты, он должен был согласиться с условиями Черткова, а тот не был расположен делать исключений в вопросе авторских прав и даже попросил Толстого отчетливо высказаться в поддержку этого принципа. В конце 1900 года, когда конфликт с Моодом приближался к точке невозврата, Чертков действительно добился того, чтобы Толстой подписал обращенное к F. A. P. письмо, которое, как представляется, сам же Чертков и составил[125]. В нем писатель выражал полное согласие с решением издательства отказаться от авторских прав и объявлял благодарность всем сотрудникам и переводчикам за то, что они, принимая эти условия, делали его произведения доступными широкому кругу читателей:

> Дорогие друзья,
> Я получил первые выпуски ваших книг, брошюр и листовок, содержащих мои писания, а также проспекты с изложением цели и плана издательства «The Free Age Press».
> Издания чрезвычайно аккуратны и привлекательны и, что̀ мне представляется величайшей важностью, весьма дешевы, а потому вполне доступны широкой публике, состоящей из рабочего класса.
> Я также горячо сочувствую объявлению на ваших переводах о том, что они не подлежат правам литературной собственности. Будучи хорошо осведомлен о всех жертвах и практических затруднениях, в которые это вовлекает издательское предприятие в наше время, я особенно желаю выразить

[124] *Толстая С. А.* Моя жизнь / подгот. В. В. Алексеева и др.; отв. ред. В. Б. Ремизов; Гос. музей Л. Н. Толстого. М.: Кучково поле, 2011. Т. 2. С. 544.

[125] Письмо это было составлено Чертковым и прислано Толстому при письме от 29 декабря (н. с.) 1900 года (ПСС. Т. 72. С. 541).

> мою сердечную благодарность переводчикам и участникам вашего дела за их великодушное присоединение к моему отказу от всякой литературной собственности, что̀ помогает делать мои писания совершенно свободными для всякого, кто захочет переиздавать их.
> Если я напишу еще что-нибудь, что̀ сочту заслуживающим напечатания, то с большим удовольствием доставлю это вам немедленно. С самым сердечным пожеланием дальнейшего успеха вашим усилиям
>
> Лев Толстой.
>
> Москва,
> 24 Декабря 1900[126].

Но все-таки, отправляя Черткову свое послание к издательству F. A. P., Толстой предупредил друга: «Боюсь, как бы кто-нибудь (Моод) не огорчился. Тогда вы будете виноваты»[127].

В этом послании, которое Чертков напечатал с небольшими изменениями в изданиях F. A. P., Моод усмотрел моральное давление на переводчиков. По этой причине в начале 1901 года он принял решение прервать сотрудничество с F. A. P., сосредоточившись на новых переводах ранее изданных произведений Толстого[128]. Надо все же отметить, что, помимо вопроса авторских прав, решение Моода было вызвано еще и неприятием того, что Чертков неоднократно оставлял за собой право вносить поправки в чужие тексты[129]. Осознав решимость Моода, Толстой, пусть и с горечью, смирился и даже не пытался переубедить Черткова.

Безусловная поддержка, которую Толстой оказывал Черткову, имела причины очень глубокие, которые выходили за пределы простой издательской политики и затрагивали непосредственно сферу эмоций. Толстой писал Мооду:

---

126 ПСС. Т. 72. С. 540–541; оригинал на англ. Письмо Толстого издательству «The Free Age Press» перепечатывалось на книгах этого издательства.

127 Письмо Толстого к Черткову от 24 (?) декабря 1900 года // ПСС. Т. 88. С. 217.

128 См. также: письмо Толстого к Мооду от 19 февраля 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 37.

129 См.: *Maude A*. The Life of Tolstoy. Later Years. P. 568–569.

> Мое отношение к этому делу такое: Ч[ертков] потратил так много и продолжает тратить любовного труда на правильное воспроизведение и распространение моих мыслей, кот[орые] он вполне и очень чутко понимает, что я только могу радоваться, имея такого посредника между собою и читателями. Главное же для меня то, что после всего потраченного им труда я не могу обмануть его ожидания и, вместо помощи ему, мешать его делу. Помощь же моя в его деле ограничивается тем, что я все новое (если что будет) распространяю прежде всего через него, предоставляя потом всем, если это кому нужно, пользоваться этим, как кто хочет[130].

В конце 1901 года в лондонском издательстве Grant Richards вышла книга «Севастополь и другие военные рассказы» («Sevastopol and other Military Tales») в переводе Моода. Она была заявлена как первый том исправленного и дополненного издания Собрания сочинений Толстого («The Revised Edition of Tolstoy's Works»)[131], которое, ввиду многочисленных трудностей, было осуществлено лишь в период с 1928 по 1937 год[132].

И тут Толстой снова благожелательно отзывался о своем переводчике: «Я, кажется, уж писал вам о том, как мне необыкновенно понравилось ваше издание первого тома»[133]. Что же касается авторских прав на перевод, то Моод нашел свой способ решения проблемы: «Переводчики, разумеется, вправе предоставить собственные версии текста и определить, подобно Толстому, размер вознаграждения за свой труд — эти вопросы остаются на их совести и решаются в зависимости от потребностей, взглядов и жизненных обстоятельств»[134].

---

130 Письмо Толстого к Мооду от 19 февраля 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 37.

131 См.: *Holman Michael J. de K.* Half a Life's work: Aylmer Maude brings Tolstoy to Britain. P. 42–43.

132 Об истории этого издания см.: Ibid. P. 39–53.

133 Письмо Толстого к Мооду от 23 декабря 1901 года // ПСС. Т. 73. С. 173.

134 *Maude A*. Preface // *Leo Tolstoy*. Sevastopol, and other Military Tales. Translated by Louise and Aylmer Maude. London: Grant Richards, 1901. P. XXIII.

В 1900 году Чертков решил, что любое общение с Моодом должно происходить только через посредников. Это был конфликт, обреченный длиться долгие годы, и регулярные попытки Толстого положить ему конец ни к чему не приводили. Все же Моод — вероятно, им двигали мотивы скорее коммерческие, чем сентиментальные, — попробовал найти пути примирения, написав жене Черткова, женщине кроткой и болезненной:

> Уважаемая госпожа Черткова,
> <...> Я не могу скрывать, что время от времени не чувствовал в себе доброжелательности по отношению к Владимиру Григорьевичу; но в глубине души я считаю его одним из самых интересных людей, которых я когда-либо встречал и чья цель в жизни благая.
> Толстой упрекал меня, и не раз, за то, что я недружелюбно отношусь к вашему мужу, и я не могу отрицать, что мне трудно испытывать добрые чувства к человеку, который не позволяет мне говорить напрямую с ним[135].

8 октября 1910 года н. с. Моод, обращаясь к очередному посреднику, на этот раз издателю и писателю Чарлзу Дэниелу (Charles Daniel, 1871–1955), так описывал развитие своих отношений с Чертковым:

> Дорогой Дэниел,
> В моем вчерашнем письме я не сказал Вам, что мои отношения с Чертковым были следующие.
> Никогда не случалось, чтобы я отказывался говорить с ним или получать от него письма по любому вопросу. Не я начал, и не я продолжал ограничивать наше общение. В течение 10 лет он: 1) отказывался говорить со мной или встречаться со мной; 2) ограничивал наше письменное общение деловыми вопросами; 3) когда я писал ему по деловым вопросам, его платный помощник сообщал мне от его имени, что я не должен был адресоваться к В[ладимиру] Ч[ерткову] напрямую, даже если по делу, но должен был обращаться к нему

[135] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода Чертковой А. К от 9 января 1906 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1257. Л. 38.

> (к помощнику); 4) В[ладимир]Ч[ертков] говорил со мной при посредстве пятерых разных людей, выбранных им самим и находящихся в определенной финансовой зависимости от него[136].

Но вернемся к поздней осени 1903 года: во время перевода трех сказок Чертков и Моод больше не общались напрямую. Сведения об этих текстах Моод получил от третьих лиц — по всей вероятности, от своих детей или, возможно, от Буланже. И тем не менее трудно поверить в то, что он действовал, не отдавая себе отчета в том, к чему это приведет. О его корыстных интересах свидетельствует также письмо Толстому, в котором он просил писателя официально доверить ему перевод сказок и при этом умалчивал о том, что он сам обратился к «Рабиновичу», уверяя, что речь якобы шла об инициативе Шолом-Алейхема. Моод прекрасно знал все правила игры и все же сыграл наудачу, надеясь опубликовать собственный перевод трех сказок без ведома Черткова, опередив его. Он, безусловно, понимал, на что идет. Валентин Булгаков, часто оказывавшийся в подобных ситуациях, пишет в своих воспоминаниях:

> Но беда им [Кенворти и Мооду], если им удалось, путем переписки со Львом Николаевичем или хотя бы с которой-нибудь из его дочерей-секреташ, получить из Ясной Поляны ту или иную работу, тот или иной отрывок для опубликования раньше Черткова: тот обрушивался тогда всей тяжестью своего характера на них и на... Толстого! Грозные письма летели из Англии в Ясную Поляну, и великому Толстому приходилось всячески выкручиваться и оправдываться перед требовательным другом. Конфликтов на этой почве было *очень много*[137].

Шолом-Алейхем действовал исключительно в интересах жертв погрома и не задавался вопросом, можно ли отправлять Мооду копию толстовских рукописей, не спросив сначала разрешения

[136] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 558. Л. 171.

[137] *Булгаков В. Ф.* Как прожита жизнь... С. 238.

писателя, от которого на самом деле было получено только «право первого издания»[138]. И он, конечно же, не мог предвидеть тех последствий, которые повлечет за собой в скором времени столь необдуманный поступок. И ни уговоры Буланже, ни призывы Толстого, ни тем более бессчетное количество писем, отправленных Шолом-Алейхемом, не помогли уладить конфликт.

IV

Наряду с Моодом и Шолом-Алейхемом, Чертков также обратился непосредственно к Толстому и 12 октября 1903 года н. с. направил ему «длинное и сложное письмо», а именно письмо № 105[139]. Рассказывая подробно о происходившем, он без обиняков описывал Моода как человека, лишенного моральных принципов, изворотливого, непорядочного, в то время как в искренности «Рабиновича» он ничуть не сомневался. Только вмешательство самого писателя, настаивал Чертков, могло бы остановить Моода и еще раз доказать, что именно он, Чертков, является единственным человеком, официально уполномоченным издавать сочинения Толстого и распоряжаться переводами за границей.

В примечаниях к переписке с Толстым, занимающей пять томов Полного собрания сочинений писателя, Чертков, который готовил к печати и эти тома[140], имел обыкновение цитировать обширные фрагменты из своих писем. Однако из письма от 12 октября н. с. не приведено ни единого отрывка, а лишь изложено его содержание без какого бы то ни было пафоса: Моод, хитростью завладев рукописями трех сказок, взялся за перевод, не беспоко-

---

[138] См.: письмо Толстого к Шолом-Алейхему от 7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 182.

[139] См.: [письмо Черткова к Толстому. Лорие от 12 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 97.

[140] «При жизни Черткова вышло 28 томов; в производстве находятся 11 томов, переданы издательству 33 тома» (Чертков — редактор сочинений Толстого // Литературная газета. 1936. 11 ноября. № 63 [626]. С. 6).

ясь о том, что аналогичное издание уже было подготовлено издательством «Free Age Press»[141].

Однако подлинник этого письма Черткова сохранился. Приведем здесь только часть, касающуюся конфликта с Моодом:

> 12. 10. 1903 н. с. Christchurch, Hants
>
> Дорогой Л. Н., как печально вы правы в том, что с тех пор, как отказались от литературной собственности, вы постоянно ожидаете неприятностей, когда отдаете людям какое-нибудь новое ваше произведение. <...>
> Последнее усложнение, о котором вы, может быть, уже слышали со стороны, вот в чем заключается. Оказывается, что несчастный Моод, нам с вами из-под руки, вошел в непосредственные переговоры с Рабиновичем относительно перевода и издания ваших последних «сказок» в Англии, сославшись на вас и на Буланже для рекомендации. Вследствие этого Рабинович, очевидно, не хорошо знакомый с вашим отношением к лит. собственности и с тем, что все первые выпуски переводов ваших писаний проходят через мои руки, вообразил себе на основании обращения к нему Моода, что литер. собственность английского издания находится в его, Рабиновича, распоряжении и послал Мооду списки ваших сказок. Затем, получив от меня запрос о том, когда выйдет его сборник в России, он пишет мне, что очень

[141] См. сноску к письму Толстого к Черткову от 6 октября 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 309–310). Том 88, в отличие от остальных томов (85, 86 и 87), содержащих большие фрагменты писем Черткова Толстому и вышедших до 1937 года, спустя ровно год после смерти Черткова, вышел лишь в 1972-м, то есть в то время, когда издательская политика была совсем другой. Однако уже в 1939 году были «предложены» новые требования к составителям ПСС, и П. Н. Поспелов, будущий главный редактор «Правды», в конфиденциальной беседе с Н. С. Родионовым (членом Научного комитета и составителем отдельных томов «Полного собрания сочинений» Толстого), сославшись на замечания некоторых критиков, считавших примечания избыточными и содержащими повторы, попросил сократить эти комментарии до сведений, необходимых для понимания писем, и пересмотреть «отношение» к письмам Черткова: «Чертков — выдающееся лицо, мы его уважаем, как прежде, но это не значит, что его письма надо печатать в полном собрании сочинений Толстого наравне с Толстым. ад ним можно работать самостоятельно» (цит. по: *Остерман Л. А.* Сражение за Толстого. М.: Грантъ, 2002. С. 53).

жалеет, что вышло это недоразумение и, разумеется, на основании вашего желания предоставляет английское издание мне <...>. Со своей стороны, строго следуя указаниям в ваших письмах ко мне, я уже приступил к приготовлению нашего издания при помощи теперешнего издателя «Free Age Press». <...> Для этого мы одновременно выпустим два издания — одно более роскошное, вероятно, с рисунками... — другое самое дешевое — в нашей обыкновенной серии, что̀ предупредит вероятие, чтобы посторонний издатель пожелал конкурировать с нами. Для окончательного доведения до конца этих двух изданий осталось нам только несколько недель, и, как вы лучше кого-либо понимаете, издателю моему и мне для сосредоточенного и успешного преодоления всех соображений и хлопот, которых в таком деле в тысячу раз больше, чем кажется со стороны, необходимы спокойствие, свобода действий и отсутствие всяких пререканий с другими переводчиками и издателями, которым может захотеться перебить у нас это дело. А для этого, прежде всего, необходимо устранить всякие дальнейшие усложнения со стороны Моода, который, начавши так неделикатно, помимо даже вас, в состоянии продолжать кампанию с свойственной ему ничем не сокрушимой настойчивостью и неразборчивостью в средствах, если только не получит от вас определенного и решительного заявления, что дело это вы поручили лично мне. — С другой стороны (и это для меня самая важная сторона дела), только таким категорическим ответом вы избавите и себя от всяких дальнейших усложнений в связи с этим. Очень вероятно, что Моод одновременно с этим пишет вам объяснительное письмо, в котором, быть может, выставляет себя уже связанным какими-нибудь обещаниями на основании первого ответа на его предложение со стороны Рабиновича. Но поверьте мне, что во всех этих сообщениях Моода 9/10 всегда бывает чистейшая неправда. <...> Так что, как ради вас самих, так и ради меня, я прошу вас в этом случае только об одном: не считать себя сколько-нибудь причастным к каким бы то ни было затруднениям, о которых Моод может говорить, что он напал, и ничего не изменять и не предпринимать никаких новых решений, а просто держаться раз уже данного мне уполномочия и ответить Мооду, если будете ему отвечать, что вы дело это уже раньше непосредственно

поручили мне и что не можете взять назад вашего слова. Это одно сразу прекратило бы всякие дальнейшие настаивания со стороны Моода; и это одно предотвратило бы нескончаемые усложнения и затруднения между всеми нами здесь, которые неизбежно наступили бы, если бы вы попросили бы меня изменить этот прием издания здесь этих сказок, к которому я и мои сотрудники уже приступили.

Ужасно мне жалко, что приходится вас беспокоить даже и этим письмом; но видит Бог, что я делаю все, что в силах, чтобы доставлять вам как можно меньше хлопот. Кто бы подумал, что Моод, отлично зная, что вы мне раз навсегда обещали первое издание всех ваших писаний и что вы никогда никому не дарите в собственность ваши писания, — обратился, минуя вас, к третьему лицу, как к собственнику этих ваших произведений, и вызовет такое бестактное, чтобы не сказать более, усложнение. Если он вам скажет, что произошло это оттого, что я с ним прекратил личные отношения, то не верьте этому, ради Бога, дорогой Л. Н. Все поведение Моода здесь в Англии, все те непристойные приемы, до которых он опускается все ниже и ниже в этой области своего честолюбия, — все то в его действиях в связи с вашими писаниями и по отношению не только ко мне, но и ко всем, кто стоит у него на дороге, — все то, о чем я вам никогда не пишу, п[отому] ч[то] это могло бы только без нужды огорчать вас, да и самому противно расписывать, — все это постоянно подтверждает мне, что пока что и для него, и для меня лучше держаться подальше друг от друга и не входить в личные сношения, что только отравило бы мне жизнь и сделало бы не способным ни к какой спокойной работе. Я вижу ясно, по какому пути он идет. <...>

Но вот пока все. Отсылаю это, хотя очень хотелось бы поговорить с вами совсем о другом. Но отсылаю, чтобы не задерживать.

Никаких дальнейших затруднений я с этим инцидентом не предвижу, если только вы не измените раньше данных вами мне распоряжений. Рабинович в своем письме пишет, что для него, «конечно, свято то, что вы ему писали по поводу меня»; и сообщает, что он написал Мооду, отменяя всякие условия с ним по этому делу. Так что с его стороны никаких затруднений не будет. Мооду же я с этой почтой сообщаю, что дело это было вами поручено мне с самого начала;

> а если вы меня в этом поддержите, то ему остается только извиниться перед вами, что он послал свое предложение не прямо к вам, а обиняком к такому лицу, которое и не имело вашего уполномочия распоряжаться англ. изданием[142].

Получив письмо на шести листах, исписанных с двух сторон мелким убористым почерком, Толстой попытался примирить противников: намеренно не обращая внимания на просьбу друга, он надеялся убедить его отдать Мооду английский перевод трех сказок. 6 октября 1903 года, подчеркивая благие цели издания, он убеждал Черткова: «Четв[ертый] пункт — это сказки, кот[орые] переводит Моод. Я уверен, что вы ничего не будете иметь против его перевода и издания в пользу евреев и что это не будет поводом ухудшения ваших отношений к нему»[143].

Хотя Чертков в письме к Шолом-Алейхему заявил о своей готовности уступить перевод Мооду — по желанию Толстого, — столь великодушно он не поступил[144]. Конечно, Черткову было совсем не легко написать это длинное письмо Толстому — изможденный, он был вынужден отложить послание, предназначавшееся Мооду[145]. Он взялся за него лишь на следующий день, адресовав письмо Томасу Лорие (Thomas Laurie, 1866–1944), молодому лондонскому издателю, который в то время был его помощником, в том числе и «посредником». Обращаясь формально к Лорие, Чертков излагает всю историю, обличая хитрость и бесстыдство, благодаря которым Моод завладел толстовскими рукописями.

142 [Письмо Черткова к Толстому от 12 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 1–6 об.

143 Письмо Толстого к Черткову от 6 октября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 309.

144 Чертков написал Шолом-Алейхему: «...если бы он [Толстой] попросил меня в этом случае уступить г. Мооду и отказаться от распоряжения изданием этой книги на английском языке на один раз, во избежание греха вражды со стороны г. Моода или вообще, чтобы покрыть чужие ошибки; то я, разумеется, счел бы своим долгом в точности исполнить его желание» (письмо от 19 октября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф 60. Оп. 8. Ед. хр. 54/1. Л. 4).

145 См.: [письмо Черткова к Т. Лорие] от 12 октября 1903 года н. с. // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 97.

13 X 03 [н. с.]
Дорогой Лорие,
В связи с публикацией «Трех сказок» Толстого я получил ответ от г-на Рабиновича на наш запрос о том, когда в России появятся русское и еврейское издания, я только что получил от него ответ по этому предмету: русское издание, вероятно, не выйдет раньше, чем через месяц. Похоже, что до того, как он получил мое письмо, господин Моод написал ему, предлагая перевести и издать эту книгу в Англии, и сослался на Толстого и на нашего друга Буланже. Рабинович, вероятно, не желая беспокоить Толстого, обратился с запросом к Буланже, который ответил, что г-н Моод порядочный человек, тогда Рабинович принял предложение г-на Моода и несколько дней тому назад отправил ему рукопись. Получив же мое письмо и будучи ранее проинформирован Толстым, что тот поручил мне издание этой книги вне России, Рабинович, конечно, поторопился признать свою ошибку и сообщил мне, что он написал г-ну Мооду, чтобы отменить договоренность, и также попросил меня переслать г-ну Мооду его письмо ко мне.
Рабинович объясняет свои поступки тем, что мое письмо к нему несколько запоздало. Со своей стороны, я не спешил спрашивать его о дате выхода русского издания сказок, потому что знал, что издание это не могло быть готово в ближайшем будущем и потому, что мне в голову не приходило, чтобы г-н Моод, через голову Толстого, обратился с предложением своих услуг непосредственно к г-ну Рабиновичу, тем более что г-н Моод лучше других прекрасно знает, что, согласно специальному и постоянному соглашению, состоявшемуся раз навсегда между Толстым и мной, все его новые произведения в первую очередь должны быть опубликованы мной в Англии; и что Толстой никогда не дарит свои произведения кому-либо из-за отрицательного отношения к литературной собственности, и поэтому никто не вправе распоряжаться сочинениями Толстого, кроме него самого и кроме его непосредственного и уполномоченного представителя за границей, то есть меня самого.
Будьте так любезны сообщить г-ну Мооду эти факты и сказать ему, что Толстой с самого начала поручил мне распоряжаться заграничным изданием этих сказок и дал мне исчерпывающие указания по этому поводу в нескольких

> письмах, написанных его собственной рукой (я до сих пор переписываюсь с ним по этому вопросу в связи с некоторыми изменениями в версии, которая в изданиях «F. A. P.» будет несколько отличаться от версии, которую имеет в своем распоряжении г-н Рабинович).
> Будьте добры, направьте прилагаемое письмо на русском г-ну Мооду с просьбой вернуть его вам по почте, так как оно понадобится мне.
> Рабинович сообщает мне, что г-н Моод предложил отдать всю чистую прибыль своего издания от этих «Сказок» г-ну Рабиновичу в Фонд для оказания помощи евреям, и г-н Рабинович выражает надежду, что я поступлю так же, как и г-н Моод. Я ответил ему, сказав, что ни в коем случае я не мог бы поступить иначе, раз Толстой написал эти сказки специально в их пользу[146].

В этом письме Чертков упоминает о некоторых «изменениях», якобы согласованных с Толстым и имеющихся только в его, Черткова, версии сказок. Однако тут он был не совсем искренен, в особенности когда давал понять, что они с Толстым обсуждали эти «изменения» — видимо, более поздние по сравнению с версией, предоставленной Шолом-Алейхему. Их переписка в том виде, в каком она сохранилась, служит доказательством обратного: ни в письмах Черткова Толстому, по большей части неизданных, ни в письмах писателя, адресованных своему «официальному представителю», пока этот вопрос не поднимается. Единственный источник из имеющихся в нашем распоряжении, в котором обсуждаются рукописи сказок, — это письмо от 6–7 сентября: в нем Чертков напрямую спрашивает о том, как поступить с двумя авторскими вариантами сказки об ассирийском царе Асархадоне, и Толстой предоставляет ему полную свободу[147]. Но на этом мы еще остановимся более подробно.

14 октября н. с. Чертков опять пытается привлечь внимание Толстого к вопросу, но от того письма (под номером 106), к со-

---

146 Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 98–98 об.

147 См.: письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

жалению, не осталось никакого следа[148]. Возможно, Чертков, как он делал время от времени, прямо попросил своего корреспондента уничтожить послание. Мы располагаем лишь одним примечанием в Полном собрании сочинений Толстого, намекающим на предполагаемое содержание письма: «Ответ на письмо Черткова от 14 октября н. с. [№ 106], в котором он делится с Толстым опасениями, как бы Моод не закрепил за собой право литературной собственности на свой перевод трех сказок Толстого. Чертков считает это недопустимым принципиально»[149]. Если исходить из этого комментария, составленного предположительно самим Чертковым, то кажется, что вопрос ограничивался в основном авторскими правами на перевод. Однако же на самом деле более вероятно, что Моод хотел прежде всего первым издать сказки на английском, что следует из его письма Перрису от 6 октября 1903 года н. с.

Вернемся к переписке Моода, Лорие и Черткова. Моод отвечает на послание Черткова 13 октября н. с. через Лорие, и ответ его намеренно уклончив: он возвращает оба письма (а также письмо Шолом-Алейхема), как ему велели это сделать, а по делу не говорит ни слова. Обращается он только к Лорие — сообщает, что не был удивлен поведением Черткова («Я не могу сказать, что я очень удивлен, имея предыдущий опыт той степени правдивости, которую можно ожидать от г-на Черткова»)[150], и советует ему перевести на английский письмо «Рабиновича», чтобы убедиться, насколько оно противоречит письму Черткова, а также выражает сочувствие молодому издателю, вынужденному выступать в качестве посредника в такого рода переписке. И в конце добавляет: «Я ценю очень высоко знакомство с г-ном Чертковым, так как оно дало мне случай познакомиться с интересным типом

---

148 Письма Черткова к Толстому находятся в ОР ГМТ (Ф. 1); в копии они хранятся (не все) в НИОР РГБ (Ф. 435).

149 Примечание к телеграмме Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 310.

150 Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 14 октября 1903 года] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 10.

религиозной эксцентричности. Если бы не это, то сношения с ним через третье лицо были бы для меня неприятные»[151].

Казалось бы, поначалу Чертков остался доволен реакцией Моода. В частном письме он делился с Лорие (15 октября н. с.): «Я думаю, что ответ г-на Моода должен быть удовлетворительным, поскольку он не настаивает на своем намерении выпустить первое издание сказок, что он, безусловно, сделал бы, если бы он все еще намеревался реализовать свой план»[152].

Опасаясь, однако, что Моод все равно может опубликовать свой перевод в Америке, 16 октября н. с. Чертков отправил Лорие новое сообщение:

> Что касается Моода, В[ладимир] Ч[ертков] не думает, что он предпримет попытку выпустить издание в Англии, но он может сделать это в Америке.
> В[ладимир] Ч[ертков] готовит письмо к издателям в Америке, помещая на первое место взгляды Толстого на авторское право. Затем он сообщит г-ну Мооду, что «Ф. А. П.» еще не налажено в Америке и что он вполне может издать свой перевод там. Он (г-н Моод) наверняка так и сделает, так как прибыль в Америке выше.
> С истинным почтением
> По поручению Черткова[153]

Моод, со своей стороны, настаивал, чтобы решение принимал Толстой, надеясь на то, что писатель, как это уже бывало в других случаях, настоит на его кандидатуре в качестве переводчика. И действительно, 20 октября н. с. Лорие докладывает Черткову:

> Господин Моод звонил сегодня и сказал, что совершенно необходимо, чтобы это дело было представлено Толстому, и поэтому он написал Толстому на этот предмет. Это очень

---

[151] Там же.

[152] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 15 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 101.

[153] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 16 октября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 102.

печально, что старый Лев должен волноваться о вопросе, к которому он, вероятно, относится с крайним равнодушием[154].

21 октября н. с. обеспокоенный Чертков снова пишет Толстому: сначала отправляет телеграмму, а потом письмо (№ 107), в котором умоляет его не предпринимать никаких действий в отношении Моода, до тех пор пока не получит от него, Черткова, дальнейших, более подробных указаний.

Дорогой Лев Николаевич!
Я хотел избежать для Вас неприятности разбирательства недоразумения в связи с Рабиновичем и Мо[о]дом по отношению к изданию ваших новых трех сказок, и потому старался вести это дело, на основании вашего уполномочия, не беспокоя Вас. Но, узнавши от Рабиновича и Мо[о]да, что они теперь обратились к Вам за окончательными распоряжениями, я не могу уже больше предохранить Вас от этих хлопот и для облегчения Вам их вижу, что Вам необходимо для правильного и ясного разрешения вопроса, который в противном случае мог бы неопределенно затягиваться и запутываться, — знать в точности все мои действия в исполнении ваших распоряжений по этому делу.
Я, следовательно, послал Вам вчера вечером телеграмму, прося Вас не давать никакого окончательного ответа ни Рабиновичу ни Мо[о]ду до получения моего письма от вчерашнего числа. В телеграмме я даже написал: «letter envoyée aujourdhui», но потребовалось переписать столько писем в связи с этим, что я никак не мог еще докончить мое «донесение» и рассчитываю его отправить завтра и прошу Вас еще на один день повременить [с] решением вопроса. <...>
Как вы верно предчувствовали эти усложнения! Но из моего подробного письма и предложения, когда Вы его получите, Вы увидите, что дело это может разрешиться спокойно и просто, для всеобщего удовлетворения, и что для Вас вся неприятность может разрешиться получасом, посвященным

---

[154] Оригинал на англ. яз.: [письмо Т. Лорие к Черткову от 20 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 2.

чтению нескольких очень скучных деловых писем о деле, имеющем для Вас самое ничтожное значение. Итак, до завтрашней почты.

Любящий Вас В. Чертков[155]

Черткову не было необходимости подсказывать Толстому, каким образом «спокойно и просто» разрешить вопрос первого издания на английском. Безусловно, прочитав и, скорее всего, уничтожив предыдущее письмо Черткова (№ 106), 10 октября 1903 года писатель поручил кому-то из своих помощников телеграфировать Мооду, чтобы положить конец нарастающей драме: «Не переводите, не публикуйте мои сказки. Ч[ертков] один имеет право»[156]. Одновременно он известил (также телеграммой) и Черткова: «Печатайте. Телеграфировал Мооду, чтобы остановил печатание»[157], а тот, в свою очередь, попросил Лорие передать новость Мооду:

23 X 03 [н. с.] 11 часов утра
Дорогой Лорие,
Телеграмма от Толстого, отосланная сегодня утром, только что дошла до меня, предупреждая о следующем: «Публикуйте — Мооду телеграфировано прекратить публикацию».
Не могли бы вы передать эту информацию господину Мооду?
С уважением

В. Чертков[158]

Если судить по одному из примечаний в Полном собрании сочинений Толстого — инициатором и главным редактором издания был Чертков, — то кажется, будто телеграмма Толстого Мооду стала результатом путаницы с редакциями текстов сказок:

---

[155] [Письмо Черткова к Толстому от 21 октября 1903 года. н. с.] // ОР ГМТ. Ф 1. Оп. 6. № 359. Л. 1–2.

[156] Телеграмма [черновое] Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 204; оригинал на англ. яз. («Don't translate publish my stories. T[chertkoff] alone has the right»).

[157] Телеграмма Толстого к Черткову от 10 октября 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 310); оригинал на англ. яз.: «Publish. Have wired Maude stop publishing».

[158] Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 105.

«Телеграмма вызвана тем, что Моод, не сговорившись с Чертковым, собирался печатать сказки в редакции, полученной от Рабиновича, в то время как окончательная редакция находилась у Черткова, которому Толстой посылал некоторые позднейшие прибавления и указания»[159]. В другом примечании, как уже упоминалось, утверждается, что следовало воспрепятствовать Мооду завладеть авторскими правами на английский перевод[160]. В любом случае в обоих примечаниях Моод был дискредитирован: потому, что версия, которую он собирался публиковать, якобы не соответствовала «окончательной» авторской, а также потому, что он пытался, прибегая к уловкам, заполучить права на первое английское издание. На сегодняшний день трудно определить, какое из этих примечаний было составлено изначально Чертковым. Тома Полного собрания сочинений, пусть даже большая часть и была подготовлена им, публиковались спустя годы после его смерти и под именами новых редакторов.

Однако сохранились черновики примечаний к переписке Толстого и Черткова, которые Анна Константиновна, жена Черткова, намеревалась опубликовать отдельным изданием с комментариями[161]. Речь идет о так и не законченной подготовительной работе: в некоторых тетрадях большого формата, с добавленны-

---

[159] Примечание к телеграмме Толстого к Мооду от 10 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 204. Том 74 появился в 1954 году под редакцией В. А. Жданова, но очень вероятно, что комментарий подготовил сам Чертков, который к 1 ноября 1934 года сдал в издательство 32 тома художественных произведений, 9 — дневников и 24 тома писем (см.: *Карлова Т. С.* Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого // Лев Толстой в движении истории. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. С. 153).

[160] В этом примечании (сделанном наверняка Чертковым) к телеграмме Толстого к Черткову от 10 октября 1903 года читаем: «Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на письмо Черткова от 14 октября н. с., в котором он делится с Толстым опасениями, как бы Моод не закрепил за собой право литературной собственности на свой перевод трех сказок Толстого. Чертков считает это недопустимым принципиально» (ПСС. Т. 88. С. 310).

[161] Анна Константиновна начала готовить издание их переписки в 10-х годах XX века; о ее работе над этим изданием см.: *Гуревич Л. Я.* Предисловие к восемьдесят пятому тому // ПСС. Т. 85. С. IX.

ми листами и листиками, с правкой на полях, в которой мы без труда узнаем почерк в том числе Черткова, содержатся примечания к переписке между двумя друзьями, относящейся к периоду в несколько лет[162]. В примечаниях за 1903 год среди прочего имеются комментарии к проблеме трех сказок, и в этой реконструкции решение помешать Мооду переводить три текста представляется инициативой самого Толстого:

> Телеграмма эта была, по-видимому, в ответ на письмо Ч[ертко]ва по поводу издания трех сказок в пользу еврейского сборника (см. об этом выше). Дело заключалось в том, что Моод, игнорируя распоряжение Т[олсто]го, передавшего все дело заграничного печатания своих произведений в ведение В. Г. Ч[ертко]ва, вошел, помимо самого автора и представителя его, в соглашение с издателем сборника раввином Рабиновичем, обещая ему прибыль со своего издания в пользу пострадавших от погрома еврейских семейств и предлагал ему агентуру в сношении с другими заграничными издателями, в то время как Ч[ертко]в, со своей стороны, не только предпринял свое английское издание, но вошел в соглашение с другими иностранными переводчиками и издателями для доставления возможно большей прибыли от заграничных изданий в пользу пострадавших еврейских семейств. Между тем как вмешательство Моода нарушало эту комбинацию и давало бы повод заграничным издателям порвать контракт с Ч[ертко]вым и притом еще потребовать неустойку за нарушение условия, заключавшегося в том, что их издания появятся первыми за границей! Но вместе с тем Ч[ертко]в вовсе не просил Л. Н[иколаеви]ча останавливать печатание перевода самого Моода, и это распоряжение Т[олсто]го исходило лично от него самого, вероятно, от того соображения, чтобы параллельное издание не повредило авторизованному изданию в смысле уменьшения прибыли[163].

---

[162] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым [б. д.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 1–4.

[163] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 249–250; в этом же документе Анна Константиновна по ошибке называет Шолом-Алейхема раввином (см., например: Там же. Л. 238).

На самом деле Толстой не имел ничего против того, чтобы доверить Мооду английское издание сказок, и только под давлением Черткова разрешил дело резко и окончательно, в очередной раз уступив желанию друга. Убедительное объяснение этой его «слабости» еще не найдено, и нам не кажется обоснованной версия Моода, который видел в том смешанное чувство вины и благодарности другу[164]. Возможно, Толстой уступил из-за усталости («Я устал. Он [Чертков] тверд»)[165], или же ему было дорого то, что они с другом полностью разделяют определенные идеи и чувства («Есть целая область мыслей, чувств, к[отор]ыми я ни с кем не могу так естественно [делиться] — зная, что я вполне понят, — как с вами», — писал Толстой за несколько дней до смерти)[166].

Получив телеграмму, Моод сразу же написал Толстому, чтобы объяснить свое поведение и спросить, доверят ли ему хотя бы американское издание:

> 22 X 03 [н. с.] [167]
> Мой дорогой друг,
> <...> Ваша телеграмма: «Пожалуйста, не переводите и не публикуйте сказки» только что дошла до меня. Они уже переведены (и я осмеливаюсь сказать, что они переведены хорошо), но я, конечно, не буду их публиковать, поскольку вы этого не желаете.
> Несколько месяцев тому назад до нас дошли новости, что вы дадите некоторые сказки, чтобы помочь евреям, и я надеялся, что это будет исключением из вашего правила, касающегося изданий на английском языке, и что, предоставив сказки евреям, они смогут сами договариваться с переводчиками. В любом случае, я думал, что не будет никакого вреда в моей просьбе Рабиновичу, сможет ли он позволить получить их мне для перевода: я подумал, что, если они были бы обещаны вашему представителю в Англии, я бы

---

164 *Maude A.* The Life of Tolstoy. London, 2008 [репринт издания: 2 vv. London 1930]. P. 785.

165 Толстой Л. Н. Дневник и дневниковые записи. [19 апреля / 1 мая 1884 года] // ПСС. Т. 49. С. 84.

166 Письмо Толстого к Черткову от 26 октября 1910 года // ПСС. Т. 89. С. 230.

167 Точная дата — 23 октября.

услышал об этом от Р[абиновича]; если бы Р[абинович] мог свободно ими распоряжаться, я бы с большим удовольствием сотрудничал <...>. Даже когда Арнольд сказал мне, что вы отправили заранее копию В[ладимиру] Ч[ерткову], я все же надеялся, что, может быть, вы послали ее для прочтения, но не обязательно для публикации. В любом случае, я готов подчиниться вашим пожеланиям.

После того как Рабинович прислал мне рассказы, он опять написал мне с просьбой договориться с В[ладимиром] Ч[ертковым], но, как вы знаете, это именно то, что я не в состоянии сделать: мне не разрешено говорить с ним или писать ему, и общение между нами заключается в том, что он время от времени диктует самые оскорбительные письма своему секретарю, который отправляет их его издателю, у которого есть инструкции переслать их мне с требованием немедленно отослать назад письма. Чтобы вести переговоры таким образом, нужна степень христианской добродетели большая, чем располагаю я. Судьба неблагосклонна к нам в том, что определенный вами представитель должен избирать такие автократические методы ведения бизнеса.

Могу ли я в будущем, после того как выйдут издания на русском, французском и немецком, опубликовать свой перевод этих 3 сказок? Или вы хотите, чтобы я навсегда был лишен права использовать их? <...>

С любовью

Эйльмер Моод

P. S. Не могли бы вы, возможно, разрешить мне опубликовать свой перевод трех сказок в Америке?[168]

Толстой не ответил, и теперь вся ситуация находилась в руках Черткова. Моод, по крайней мере формально, был готов отказаться от перевода. Он сообщил об этом Лорие, который, в свою очередь, в частном порядке известил Черткова:

27 октября 1903 г. [н. с.]

Дорогой Чертков,

Когда г-н Моод позвонил (24-го октября), он заверил меня, что больше не будет претендовать на «Сказки» после полу-

[168] Оригинал на англ. яз.: ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–3. Л. 1–1об.

> чения телеграммы Толстого. Мне совершенно ясно, что вам не нужно бояться каких-либо действий в этом деле, которые он предпринимает. Конечно, г-н Моод может чувствовать себя свободным делать что-либо в Штатах — о чем я ничего не знаю[169].

Переписка «Чертков — Лорие — Моод» тех недель не сохранилась целиком, и поэтому непросто выявить причины, по которым Чертков внезапно передумал и решил уступить Мооду первое издание сказок на английском языке как в Англии, так и в Америке. Сохранилось письмо Черткова Лорие от 28 октября н. с. следующего содержания:

> Уважаемый господин,
> Большое спасибо за ваше письмо от 27-го октября. Да, конечно, отправьте, пожалуйста, мое последнее письмо г-ну Мооду, и не могли бы вы подчеркнуть, что это касается как американской публикации, так и английской. На самом деле, я уже некоторое время веду переговоры относительно Америки. Но если бы г-н Моод захотел опубликовать там свой перевод, следуя условиям, которые я изложил в своем последнем письме, я бы охотно отдал ему право на первую публикацию как доказательство моей готовности идти ему навстречу, когда смогу. Но условие, которое я выдвинул здесь в качестве представителя литературной отвественности Толстого, является «непременным условием».
>
> В. Чертков[170]

Чертков выдвигал свои условия в предыдущих письмах, которые сейчас утеряны, и из ответа Моода, также датированного 28 октября н. с., со всей вероятностью можно предположить, что он просил прояснить позицию Толстого касательно авторских прав на произведения:

---

[169] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 4.

[170] Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 46. Л. 75–76 (по ошибке это письмо находится в папке с письмами от 1904 г.).

> Уважаемый господин Лорие,
> Я с благодарностью принимаю щедрое предложение г-на Черткова, который разрешил мне первую публикацию трех новых сказок здесь и в Америке; или, если он этого захочет, я буду в равной степени благодарен за право одновременной публикации. Но я должен попросить вас или его (как только вам будет известно) сообщить мне дату, когда сказки могут появиться, раз я уже написал Рабиновичу, что я не занимаюсь этим делом, я могу и не получить от него информацию о том, когда публикация должна состояться. Если я правильно понимаю, будет одновременный перевод на русском, немецком, английском и других языках.
> Конечно, условие, касающееся вполне определенного заявления о том, что Толстой не оставляет за собой никаких прав на это произведение и что любые права, принадлежащие переводчикам, лежат на их ответственности и должны строго соблюдаться. Я буду очень осторожен, дабы выразить это таким образом, чтобы это полностью соответствовало желаниям Толстого и не вызывало в сознании читателей никакой двусмысленности или сомнений[171].

28 октября н. с. Моод отправил Лорие еще одно письмо, но только с тем, чтобы договориться о технических деталях: о формате книги и о цене[172]. На следующий день он уведомил Толстого о том, как именно продвигались дела, упомянув и о новых условиях, поставленных Чертковым:

> Мой дорогой друг,
> К моему великому удивлению, я получил вчера вечером от Лорие письма, адресованные ему Чертковым, которые он должен был переслать мне, в которых (впервые с начала 1899 года) Чертков выражает желание, чтобы хорошие или, по крайней мере, нормальные отношения могли установиться между ним и мной, и предлагает мне возможность опубликовать ваши 3 сказки как здесь, так и в Америке за

---

[171] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Т. Лорие от 28 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 18–18 об.

[172] См.: [письмо Моода к Т. Лорие от 28 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 7.

> день до того, как он опубликует другой перевод, который у него на руках.
>
> Конечно, я сразу ответил, добавляя, что мне очень приятно, что он уделяет мне столько внимания, и должен быть в равной степени благодарен ему за то, что он позволяет мне издать свой перевод одновременно с его. Я также охотно согласился с условием, которое он поставил, что мой перевод должен сопровождаться четким заявлением, объясняющим, что вы отказываетесь раз и навсегда от всех прав на свои произведения с момента их первой публикации и разрешаете всякому их переиздавать и переводить или переводить снова; и что вы предоставляете своим переводчикам самим договариваться и заниматься своими переводами так, по их усмотрению.
>
> Я уверен, что этот чрезвычайно неожиданный поворот в поведении Черткова по отношению ко мне является результатом того, что вы написали ему; и я благодарю вас за те хлопоты, которые вы предприняли.
>
> Серьезно, я был бы очень счастлив, если бы можно было избежать непрерывных фантасмагорических ситуаций и недоразумений последних четырех лет и если бы восстановились хорошие отношения между В. Г. Ч[ертковым] и мною[173].

На этот раз Толстой ему ответил: он был рад известию, в котором видел добрый знак сближения[174]. На самом же деле между двумя соперниками не произошло никакого примирения, и даже обсуждение способов и сроков публикации (с разницей в один день или одновременно) стало поводом для споров и недоразумений. Запутался даже Лорие, который 29 октября н. с. обратился к Черткову с просьбой о разъяснениях: «“Три сказки”. Я не понимаю из вашего письма Мооду — что вы дали ему разрешение на первую публикацию и здесь, и в Америке»[175].

---

[173] Оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Толстому от 29 октября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–5. Л. 1–1 об.

[174] См.: письмо Толстого к Мооду от 22 октября 1903 года // ПСС. Т. 74. С. 209.

[175] Оригинал на англ. яз.: [письмо Т. Лорие к Черткову от 29 октября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 526. Л. 6.

Затем произошел еще один неожиданный поворот: 31 октября н. с. Моод сообщил Лорие, что вынужден — исключительно из издательских соображений— отклонить лестное предложение Черткова опубликовать сказки на один день раньше:

> Дорогой Господин Лорие,
> Спасибо за то, что вы отправили г. Черткову мое письмо от 30-го. Его предложение о том, что сначала появится мой перевод в Америке и затем его в Англии, весьма справедливо; в самом деле, я и сам хотел это предложить, и если бы я еще не взял на себя обязательство по этому поводу, то я должен бы был принять его предложение сразу и с радостью.
> Но, к сожалению, эта новость пришла с опозданием. <...> Сразу после того, как я получил разрешение г-на Черткова, я отписал издателю, и теперь было бы невозможно для меня пойти вспять, не имея неприятностей с ним.
> Если бы я был единственным человеком, имеющим к этому отношение, то я бы сразу уступил, учитывая хорошее отношение господина Черткова ко мне в этом деле; но я уже с лихвой доставил издателю столько хлопот в связи с этими сказками, что я не могу снова нарушить его планы[176].

Но все же 3 ноября н. с. Чертков подтвердил свое решение:

> Дорогой господин Лорие,
> В ответ на ваш вопрос об Ассархадоне и т. п. В. Чертков считает, что единственное, что сейчас нужно сделать, — это продолжать действовать так, как планировалось ранее, и опубликовать на следующий день после появления перевода г-на Моода. Вы, конечно, уведомите продавца обычным способом.
> Раз прибыли от обоих выпусков — «F. A. P.» и «Грант Ричардс» — имеют одну и ту же цель, не должно быть никакого соперничества, а речь должна идти, скорее, о сотрудничестве.

[176] Оригинал на англ. яз.: РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 19.

> Пожалуйста, сообщите господину Мооду*, что В[ладимир] Ч[ертков] примет этот путь, т. е. опубликовать издание «F. A. P.» на следующий день после появления его издания.
> Искренне Ваш
> По поручению В. Черткова
> * Не отправьте г-н М[ооду] это письмо[177].

В то время как Чертков настаивал, чтобы перевод Моода вышел (в Англии и Америке) на один день раньше издания F. A. P., Моод не изменил своего намерения. Сохранилось его письмо с целым рядом вопросов, обращенных к Черткову: о сроках выхода (одновременно или с разницей в день), об американском рынке, о цене и о возможной публикации сказок в газетах[178]. Из ответов Лорие, записанных на полях того же письма, мы узнаем, что Чертков уступал Мооду и американский рынок, и право продавать переводы газетам: цена была назначена 6 пенсов за книгу, а что касается сроков, то подтверждалось первое предложение: «Мы опубликуем на один день позже вашего издания»[179].

10 ноября н. с. Чертков все же решил удовлетворить просьбу Моода:

> Я думаю, что мы можем принять предложение г-на Моода начать нашу публ[икацию] в тот же день, что и его, тем более что, в конце концов, я не считаю, что его изд[ание] в чем-то выиграет у нашего, если мы осуществим выпуск только на один день позже, так как в любом случае мы собираемся предварительно разослать циркуляры о нашем изд[ании][180].

---

[177] Оригинал на англ. яз.: НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 124. Ед. хр. 45. Л. 110.

[178] См.: [письмо Моода к Т. Лорие от 7 ноября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 22–23.

[179] Ответы Т. Лорие Мооду, записанные рядом с вопросами, из того же письма Моода к нему от 7 ноября 1903 года н. с. (РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 22–23).

[180] Оригинал на англ. яз.: [письмо Черткова к Т. Лорие от 10 ноября 1903 года н. с.] // LRA. MS 553/43. F. 1. 12 ноября Моод, получив согласие от Черткова, сразу же написал Т. Лорие письмо: «...что перевод г-на Черткова и мой по-

И действительно, с 9 по 28 ноября н. с. Чертков опубликовал в ведущих английских газетах, числом более тридцати, новость о предстоящем выходе в F. A. P. трех новых рассказов Толстого[181]. В зависимости от длины статьи обычно давалась такая информация: на титульном листе книги будет напечатан портрет Толстого тех лет верхом на лошади; всю выручку пожертвуют семьям евреев, пострадавшим от недавних погромов в России; сказки перевел мистер В. Чертков — «издатель “The Free Age Press”, близкий друг Толстого и его единственный литературный представитель в этой стране» («Editor of “The Free Age Press”, Tolstoy's personal friend, and his sole literary representative in this country»). Указывалась и фиксированная цена — 6 пенсов.

13 ноября н. с. Чертков поспешил в общих чертах ввести в курс дела Толстого:

> ...не знаю, как и благодарить вас, дорогой друг, за вашу телеграмму к Мооду. Это сразу поправило все дело. До того он был страшно нахален и груб в связи с этими рассказами; но после вашей телеграммы он моментально совершенно изменил тон. Тогда возможно стало с ним сговориться; и я, заручившись тем, что он непременно говорит, что эти ваши сказки (в русском оригинале) не copyright, счел наилучшим предоставить ему первое издание его перевода в Англии и Америке с тем, чтобы и наши издания (в 6 пенс и в 1 пенни) появились в Англии одновременно. Переписка шла через моего издателя, и Моод заявил, что он считает, что в этом деле я поступил с ним очень предупредительно. Разумеется, уладила все дело одна только ваша категорическая телеграмма. Но вам будет приятно узнать, что я сделал Мооду все возможные уступки и что он остался доволен.

явятся в один и тот же день и в этой стране, и в Америке»; оригинал на англ. яз.: [письмо Моода к Т. Лорие от 12 ноября 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 2. Ед. хр. 1412. Л. 21.

[181] Газетные вырезки, собранные Чертковым и хранящиеся в Библиотеке ГМТ в Москве, относятся к периоду с 9 ноября н. с. 1903 года по март 1904 года; их больше сорока.

> Так как чистая прибыль и с его, и с моих изданий предназначена в общий фонд, то от конкуренции между этими изданиями никто не пострадает[182].

Писатель не ответил ни на это, ни на отправленные ему в последующие недели письма, в которых Чертков не осмелился вернуться к истории с тремя сказками[183]. К тому же молчание Толстого вызвало у него опасения, что «бестактные люди» вроде Моода или толстовца Ивана Трегубова (1858–1931) сообщили писателю что-то неприятное на его счет. Он разволновался до такой степени, что решил спросить об этом напрямую:

> 5.12.03 н. с.
> Что это, дорогой Л. Н., от вас так долго нет никаких ис вестий? Доходят ли до вас мои письма и ваши до меня? <...> Также очень боюсь, как бы такие бестактные люди, как Моод и Трегубов, обращаясь к вам, чтобы рассудить между ими и мною в наших разногласиях, — не ставили бы вас в такое положение, что вам трудно писать кому-либо из нас и что из-за этого вы все откладываете. Также боюсь, что, когда я узнаю, что они писали вам обо мне, и нахожусь поэтому вынужденным дать вам свое объяснение, то делаю это так многословно и в таком неприятном для вас духе, что это охлаждивает ваше желание писать мне и производит впечатление, что я, главным образом, занят пререканиями[184].

Толстой возобновил привычную переписку с Чертковым 17 ноября, но писал на другие темы и заключал письмо фразой, не допускающей возражений: «Перевод Бинштока “В[ойны] и М[ира] ужасен”. Прощайте пока»[185].

---

[182] Письмо Черткова к Толстому, 13.XI.1903 // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 360. Л. 4.

[183] В письме от 24 ноября 1903 года н. с. Чертков спрашивает у Толстого: «Дорогой Л. Н., что это от вас так долго нет писем?» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 361. Л. 1).

[184] [Копировальный дубликат автографа письма Черткова] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 75–77.

[185] Письмо Толстого к Черткову от 17 ноября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 311.

Писатель случайно назвал имя того переводчика, которого Чертков только что нанял для перевода сказок на французский и который стал причиной последующих неприятностей и опасений Шолом-Алейхема.

V

Тем временем новость о телеграмме Толстого Мооду долетела до Киева. Взвесив сложившуюся ситуацию, Шолом-Алейхем попытался обсудить ее в деталях с Чертковым:

> 13/14 26/27. X. 1903
> Kiew
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Наконец — я получил известие, что из Ясной Поляны просили г. Моода «Сказок» не переводить и не издавать. Значит, издание остается за Вами. Слава Богу. Все хорошо, что хорошо кончается. Сам г. Моод уведомил меня об этом. Мы с ним расквитовались. Теперь прошу принять к сведению следующие пункты:
> 1) Если у Вас нет точной исправленной копии с рукописи Л[ьва] Н[иколаевича], то я могу таковую Вам доставить.
> 2) Хотите ли Вы при «Сказках» поместить также и 3–4 письма Л. Н., имеющие интерес, как выражающие его отношения к евреям?
> 3) Срок, как я Вам уже писал, не раньше 1/13 декабря.
> 4) Т[ак] к[ак] Вам не нужно уже уплатить те 100 руб. Мооду, то не сумеет ли Ваше издательство прислать мне авансом рублей 300/400 в счет будущих благ. Деньги необходимы для Гомельчан, для которых несколько сотен оказываются каплей в море. Лучше всего переводить через «Русский для Внешней Торговли Банк» в Лондоне, киевское отделение, мое имя.
> 5) Хотите ли получить рукопись и копии писем через Моода или непосредственно от меня.
> 6) Г-ну Левенфельду в Берлине я писал. Благодарю. Сойдитесь также с Америкой.

7) С парижским издателем кончайте сами, и прошу Вас ответственность взять на себя (особенно насчет срока).
В[есь] В[аш] С. Рабинович

Из г. Варшавы мне пишут, что следует обратить внимание на английское издание, которое, если появится в В[ашем] журнале, может нам сильно повредить. Если после, то, конечно, не беда...[186]

Вопрос казался решенным, и все же Шолом-Алейхем на следующий день отправляет Черткову еще одно письмо — для собственного спокойствия, чтобы убедиться, что между ними опять не возникнет недопонимание: он описывает ситуацию и снова спрашивает, хочет ли тот получить копии рукописей сказок и писем Толстого. Шолом-Алейхем подчеркивает ответственность Черткова как «единственного» представителя Толстого за границей и в конце напоминает ему о просьбе выслать аванс.

14/27. X. 1903
Многоуважаемый
В. Чертков!
Вчера я Вам писал из предместия Киева и теперь повторяю, что я несказанно рад, что инцидент окончен благополучно и что английское и американское издание находятся в Ваших, как я понимаю, надежных руках.
Жду теперь Вашего письма, подтверждающего дело, а также известия из Ясной Поляны.
Жду также Вашего письма насчет рукописи. Нужна ли Вам русская рукопись Л[ьва] Н[иколаевича] или у Вас есть? И имеют ли для Вас какой-то интерес письма Л. Н., относящиеся к этому изданию?
Я просил Вас также об авансе. Сумма 100 р. от Моода уже погашена, и В[ашему] издательству нет надобности с ним считаться. Надеюсь, что просьба эта, ввиду необходимости в скорой помощи, будет удовлетворена Вами в наивозможно более широком размере.

[186] РГАЛИ. Ф. 552. Оп 1. Д. 2362. Л. 6–6 об.

Что до немецкого издания, то по получении В[ашего] последнего письма (большого) я переговоры с прежней фирмой прекратил, ибо они находились еще в той стадии, что можно было их во всякое время прервать, и я по В[ашему] указанию обратился к Левенфельду[187]. Теперь все 4 издания (еврейское мое, русское Буланже, Английское Ваше и немецкое Левенфельда) находятся в вполне, кажется, надежных руках и можно надеяться на скромность, аккуратность и полную гармонию. К 1-ому (13) Декабря, я думаю, «Сказки» увидят свет на всех языках. Французское изд[ание] я бы Вас тоже просил взять в свои руки и сделать все возможное, чтобы увеличить доходность вещи, написанной Л. Н. по моей инициативе и исключительно в пользу намеченной нами цели — оказания помощи пострадавшим, поставленным вне закона. Вопиет нужда, но беззащитность и произвол куда сильнее и куда более.

В[есь] В[аш] С. Рабинович

P. S. Из посылаемой газеты Вы познакомитесь с возмутительным отчетом кассации по возмутительному делу. Если будете публиковать, то, пожалуйста, не упоминая имени приславшего. Вообще я бы не хотел связывать наше благотворительное дело с политикой. Одно появление «Сказок», напр., в нелегальном загр[аничном] изд[ании] может погубить наше издание после огромных затрат денежных и духовных сил. Редакция умоляет меня быть осторожным особенно с английскими издателями. Но я знаю Вас как личного друга Л. Н., и потому я, выражаясь на моем еврейском жаргоне, «сплю с Вами спокойно». Сообщите Ваш телеграфный адрес. Для пересылки денег я рекомендую Вам Лондонское отделение Русского для Внешней Торговли Банка, на киевское отделение на имя мое. Хорошо было бы рублей 500.

Solem[188]

Издание сказок Толстого подходило к заключительному этапу: предстояла одновременная публикация их на английском (в Лондоне и Америке), французском, русском, немецком и, естествен-

[187] Löwenfeld, Raphael. О нем см. ниже сноску 189.

[188] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 7–7 об.

но, на идише (в Варшаве). Прежде чем отдать прочие переводы в печать, было крайне важно знать точную дату выхода сборника на идише, и на Черткова, конечно же, возлагалась обязанность координировать публикацию всех этих переводов.

Кроме того, Чертков потребовал, чтобы Шолом-Алейхем прервал переговоры «со своим немецким издателем» и чтобы перевод на немецкий был доверен слависту Рафаэлю Лёвенфельду (Raphael Löwenfeld, 1854–1910), биографу и переводчику Толстого[189]. Из письма Шолом-Алейхема к Черткову вытекает, что, с одной стороны, писатель так и поступил, хотя, с другой стороны, есть основания думать, что он не порвал со «своим прежним переводчиком», то есть с Августом Шольцем[190].

Французское же издание сам Чертков поручил верному и исполнительному В. Л. Бинштоку:

> 5.11.03 [н. с.]
> Многоуважаемый Владимир Львович,
> <...> Теперь вот о каком деле.
> Л. Н. Толстой, как вы, вероятно, слыхали, написал несколько сказок, или легенд, в пользу семей пострадавших от погромов евреев. Сказки эти печатаются в России, Англии, Америке и Германии в пользу того дела. Меня просили постараться поручить их издание по-французски какому-нибудь лицу, которое также пожертвовало бы прибыль на этот же предмет. Разумеется, я больше ни к кому не могу обращаться, как только к Вам. На случай, если вы согласитесь таким образом принять участие в общем деле, посылаю Вам с этой же почтою заказной бандеролью рукопись по-русски. Появиться сказки должны одновременно во всех странах не раньше 1/13 Декабря. К этому времени издания должны быть готовы. Но об окончательном сроке выхода их будет в свое время сообщено. Разумеется, надо быть

189 О нем см.: *Crane P. G.* Raphael Löwenfeld: Leo Tolstoy's First Biographer. Remarks Presented at Iasnaia Poliana, September 30, 1998 // Tolstoy Studies Journal. 1998. № 10. P. 1–19.

190 См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 15 апреля 1904 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 138.

> очень осторожным, чтобы сказки эти никому постороннему не попали в руки. А то все дело может пропасть. Вот пока все! Искренно преданный Вам
>
> В. Чертков[191]

Бинншток ответил ему 9 ноября 1903 года н. с.: «Легенды Льва Николаевича я получил и, конечно, займусь этим очень энергично; времени у нас очень много...»[192] Кроме того, он пообещал сделать все возможное, чтобы извлечь из публикации максимум выгоды: «Я думал лучше издать в одно[м] из *revue*; тогда я попрошу франков 300 гонорара и приложу мой гонорар переводчика фр. 100; т[ак] что этим путем можно ведь получить фр. 400, а может быть, и больше, т. к. я сдам туда, где дадут больше»[193]. Бинншток также предлагал себя в качестве посредника в переговорах с немецкими, голландскими и итальянскими издателями: «Разрешите ли Вы мне поместить эти легенды в одном итальянском журнале ("Nuova Antologia" "Rivista Moderna")...»[194]

Русский по происхождению и натурализованный француз, Владимир Львович Бинншток (Bienstock, 1868–1933) был одним из переводчиков Толстого[195]. Писатель много раз неодобрительно высказывался о трудах Биннштока, но все же Чертков без колебаний вовлек его в новое предприятие. Его выбор, как он объяснял Толстому за пару месяцев до того, был сделан из соображений практического толка:

> То, что переводчики, как, напр., Bienstock, не так хорошо переводят, как первоклассные переводчики, с этим я первый согласен. Но иметь постоянно в своем распоряжении

[191] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон. 115. Ед. хр. 58. Л. 4.

[192] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 14. Л. 1.

[193] Там же. Л. 2.

[194] Там же. Л. 2 об.

[195] О В. Л. Биннштоке см.: *Полосина А. Н.* Первые переводы на французский язык романа Л. Н. Толстого «Воскресение» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 2 (6). С. 79–82; *Полосина А. Н.* Бинншток // Лев Толстой и его современники / под ред. Н. И. Бурнашевой. Вып. 3. Тула, 2016. С. 66–68.

> таких первоклассных переводчиков, которые по заказу в несколько дней переводили все, что вы пишете, — совершенно невозможно. Для этой цели необходимы такие, как Bienstock, который, по крайней мере, всегда в нашем распоряжении, ничего не искажает и больше и больше старается[196].

Краткая биография Бинштока сохранилась среди рукописей Черткова и должна была быть включена в комментарии к критическому изданию переписки Толстого и Черткова под редакцией Анны Константиновны — в качестве сноски к письму Толстого к Черткову от 17 ноября 1903 года. В этом примечании, почти наверняка составленном Чертковым, читаем:

> Бинншток Владимир Львович (J. W. Bienstock), переводчик на французский яз[ык], живший в Париже, женат на француженке (окончившей парижский университет в Сорбонне), которая и помогала ему в литературной обработке его переводов. П. И. Бирюков вошел в соглашение с Бинштоком об издании полного собрания сочинений Т[олсто]го на французском языке в популярном издательстве «P. V. Stock». Не обладая литературным талантом, Бинншток, однако, был достоверным переводчиком, точно придерживаясь авторского текста, не позволяя себе никаких отступлений, прибавлений или пропусков, как делали некоторые другие французские переводчики. Особенно неудачны были его переводы таких художественных произведений, как «Война и мир» и «Анна Каренина»...[197]

---

[196] [Письмо [копировальная копия автографа] Черткова к Толстому от 4 сентября 1903 года н. с.] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 134. Ед. хр. 7. Л. 19. Еще 13 ноября 1903 года н. с. (письмо № 108) Чертков писал к Толстому: «...я вовсе не считаю [Бинштока] лучшим, но который до сих пор единственный, соглашающийся не медля переводить все, что вы пишете, и перед которым я в некоторых отношениях обязан за его помощь нашему издательству...» (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 360. Л. 8).

[197] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым, 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 251.

Тем временем Чертков игнорировал письма Шолом-Алейхема и не выказывал интереса к копиям толстовских рукописей, которыми тот хотел с ним поделиться: у него ведь уже были и эти рукописи (еще и в нескольких вариантах), и письма. Он даже не позаботился о том, чтобы предупредить Шолом-Алейхема о новых соглашениях с Моодом, так что Шолом-Алейхем, совершенно обескураженный этой новостью, полученной от Моода, попросил у Черткова объяснений:

> 21/3. X/XI. 1903
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> От 14/27. X, после того как я Вам писал, я еще от Вас ответа не имею. Взамен того я сегодня вдруг получаю письмо от г. Моода, что Вы уже ему предоставили издание «Сказок» первым. Что сей сон означает и кто является истинным издателем? Быть может, Ваше письмо, находящееся в пути, все разъяснит. Но не могу не поделиться с Вами.
> Жду ответа на все письма.
> Преданный Вам С. Рабинович
>
> От Левенфельда (Берлин) никакого ответа[198].

Чертков наверняка отправил ему в ответ телеграмму, потому что Шолом-Алейхем больше не возвращался к этой теме. Его переписка с Чертковым ограничивалась теперь техническими деталями, связанными с датой публикации сборника (неизвестной по причине задержек, вызванных цензурой), обсуждением способа отправки денег и координацией всех переводов.

> 15/28. XI. 03
> Многоуважаемый г. Чертков!
> Приближается срок издания «3-х Сказок». Предупреждаю Вас об этом. Я полагаю, что в первых числах декабря (ст. ст.). Однако по нашим цензурным условиям может затянуться до 15/28 декабря и позже. Я говорю о евр[ейском] издании.

[198] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 8.

> Что же до Русского издания (в Москве), то цензор Московский не пропустил. Поехали в Петербург хлопотать. Прошу все это иметь в виду и ответить мне на это письмо.
>
> С. Рабинович
>
> Призыв о пожертвованиях в самой книжке считаю не совсем приличным. Другое дело о рекламировании брошюры в газетах. А что с французским изданием?[199]

И несколькими днями позже:

> 22/5 XI/XII 1903
> Многоуважаемый В. Чертков!
> Имею возможность уведомить Вас об окончательном сроке выхода в свет «Сказок Л. Н. Толстого»: 28 Декабря, понедельник (т. е. нашего 15-ого).
> Доводя об этом до сведения Вашего, прошу иметь это в виду при выпуске Ваших изданий, каковые должны быть обнародованы не раньше 28 декабря.
> Присовокупляю, что наша цензура совсем запретила одну из трех Сказок, так что остались только две сказки. Если бы какое-либо заграничное издание появилось в России раньше срока, то это могло бы повлечь за собою окончательное запрещение тиража брошюры Толстого, и Вы понимаете, что могло бы из этого выйти. Прошу ответа.
>
> С почтением С. Рабинович, Schalem Aleichem
>
> Писали ли в Париж?
> P. S. Не будете ли столь любезны довести до сведения г. Моода. Хотя я пишу и ему непосредственно[200].

Из-за проблем с цензурой все еще не была определена окончательная дата публикации на идише. Шолом-Алейхем просил Черткова проследить за иностранными изданиями, чтобы те не вышли раньше срока, и извещал его о том, что цензура запретила в России одну из трех сказок — «Труд, смерть и болезнь».

---

[199] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 9.

[200] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 10.

VI

«Сплю с Вами спокойно», — доверчиво писал Шолом-Алейхем Черткову. Все издания, казалось, находились в надежных руках, но все же мысль о том, что в каком-то уголке мира сказки могут быть опубликованы раньше, чем выйдет сборник на идише, чрезвычайно тревожила Шолом-Алейхема, хоть он и беспрестанно повторял себе и другим, что доверяет Черткову, который между тем продолжал игнорировать его письма, не сообщал новостей о переводчиках и не гарантировал ему, что постоянно держит парижского переводчика в курсе изменяющейся даты публикации.

Опасения Шолом-Алейхема оправдались: действительно, пока российская цензура задерживала выход сборника на идише (и на русском в Москве), в Париже появился перевод сказки об Асархадоне. Кто-то известил об этом Шолом-Алейхема, и тот немедленно отправил депешу Черткову: «Sarkesali na franzuskawo wipuskajte \ oschibka sloupotreblenie perewodtschika telegrafirujte»[201]. И сразу же, почерком торопливым и неровным, совершенно не похожим на аккуратное начертание букв в первых письмах, направил ему срочную просьбу о разъяснениях:

> 27/10. XI/XII.1903
> Многоуважаемый В. Чертков!
> Я Вам сегодня телеграфировал поторопиться [с] изданием к 1/14 декабря, потому что Ваш французский переводчик или издатель, увы! злоупотребил Вашим доверием и позволил себе в парижской газете «Temp»[202] напечатать 1ю сказку Толстого (по крайней мере, я знаю об этой одной «Ассархадон»). Когда об этом узнал, то со мной чуть удар не случился. Первое, что я сделал, — это телеграфировал во все места: в Москву, Варшаву (еврейск[ое]), Берлин и Англию, чтобы поторопиться к 1/14. Беда еще та, что русский оригинал задержал цензор, еврейский тоже. И вдруг появится в России раньше чужой перевод, чем наш оригинал. Одним

[201] [Телеграмма Шолом-Алейхема к Черткову, полученная 6 декабря 1903 года н. с.] // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 13.

[202] Правильно Le Temps.

> словом, я убитый, уничтожен! Пишите, ради Бога, кто Ваш переводчик в Париже и издатель? И что у Вас? Жду.
>
> Ваш С. Рабинович
>
> Благоволите в запеч[атанных] конвертах заказным прислать мне 1 экз[емпляр] Вашего перевода[203].

Чертков ответил телеграммой, сведя эпизод к банальному недоразумению[204]. Шолом-Алейхем, который еще не знал имени переводчика, не поверил в то, что речь шла просто о накладке — он не сомневался в бесчестности переводчика и удивлялся тому, что Чертков, не доверявший первому немецкому издателю, не был столь же предусмотрителен в отношении французского. Шолом-Алейхема снова охватили те же опасения, какие он испытывал в начале предприятия: он боялся, что три сказки Толстого выйдут в свет раньше еврейского сборника, что очень сильно повредит его продажам.

11 декабря 1903 года н. с. Чертков уведомляет Бинштока:

> Прилагаемое письмо от г. Рабиновича, которому было предоставлено издание «Трех сказок» — в пользу пострадавших от еврейских погромов, — объяснит Вам, в чем дело. Я ему ответил, что сказка «Асахардон» никак не могла попасть в этот журнал через Вас, что Вы не выпускали Вашего списка из рук и что сами были очень опечалены этим преждевременным явлением сказки. К счастию у нас совершенно случайно имеется подтверждение того, что не по нашему списку напечатана эта сказка в журнале. В связи с моей версией я был в непосредственных сношениях с Л. Н. Толстым, который позволил мне воспользоваться другим вариантом этой сказки, в которой были места (как, напр., эпизод с ослицей), выпущенные в том варианте, доставленном им всем другим издателям и переводчикам. Так что совершенно случайно мы имеем неопровержимое доказательство нашей непричастности, т. к. появившаяся версия,

[203] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 11.

[204] О содержании этой телеграммы см.: письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 29 ноября / 12 декабря 1903 года // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 12–12 об.

наверное, соответствует этому варианту, который был доставлен Л[ьвом] Н[иколаевиче]м непосредственно г. Рабиновичу и которым уже сам г. Рабинович распоряжался.
Теперь у меня к Вам вот какие просьбы: пожалуйста
1) Вышлите мне экземпляр журнала с «контрабандной сказкой».
2) Постарайтесь, как только возможно, узнать от кого эта редакция получила ее?
3) Сообщите мне обстоятельно, где и как вы поместили и намерены издать отдельно ваш перевод. Это ваше сообщение я послал бы г. Рабиновичу. Только при этом не упоминайте о том, что вы считали уже давно 15 Дек. назначенным для выхода сказок сроком. Здесь произошло между вами и мною недоразумение, которое разродилось бы катастрофой, если бы эта другая чужая катастрофа не предупредила бы нашу. Так как от последствий нашей ошибки мы были, можно сказать, чудесным образом спасены появлением того преждевременного перевода, то не стоит мне теперь письменно объяснять Вам, в чем именно заключалась ошибка между нами. Я уже прошу вас не упоминать о предполагавшемся Вам сроке 15-ого Дек. в Вашем предоставленном письме ко мне, п. ч. это только осложнило бы дело.
4) Верните мне прилагаемое письмо г. Рабиновича.
5) Не списывайтесь с г. Рабиновичем помимо меня.
Очень спешу, поэтому простите обрывчатость этого письма[205].

Из этого письма ясно, что Чертков даже не рассматривал вероятность того, что перевод в газете «Le Temps» на самом деле мог принадлежать Бинштоку. Более того, он считал само собой разумеющимся, что речь идет о версии, имевшейся в распоряжении Шолом-Алейхема, распространенной им же и явно отличавшейся от варианта, которым обладал он сам.

Еще до получения текста на французском Чертков и в самом деле рассчитывал доказать свою «невиновность», сославшись на «другую версию», о которой пока говорил весьма туманно. Однако, отдавая себе отчет в том, что до сих пор он вовремя не со-

[205] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 115. Ед. хр. 58. Л. 5–7.

общал Бинштоку об отсрочках выхода еврейского сборника, Чертков в приказном порядке просил переводчика не раскрывать никому крайнего срока публикации (15 декабря) и ни в коем случае не вступать в контакт с «Рабиновичем». Вероятно, одновременно с письмом Чертков отправил Бинштоку и телеграмму, на которую тот ответил (тоже телеграммой) 12 декабря н. с.: «...Assaroi retenir...», то есть «остановили Аса[рхадона] царя»[206].

29 ноября Шолом-Алейхем был уже в курсе всех деталей и знал также имя переводчика:

> 29 ноября 1903 12 декабря 1903
>
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Только что получил Вашу вторую телеграмму, в которой Вы сообщаете мне, что, вероятно, вышло недоразумение и что «Вы телеграфировали в Париж задержать выпуск». Увы! Кажется, что не недоразумение здесь, а просто злоупотребление со стороны Вашего французского переводчика, имя которого Вы забыли! мне сообщить. Кое от кого я успел узнать, что из газеты «Temps» перевел одну (1ю) сказку по-русски для русской газеты В. Бинshток (от 5-ого нов[ого] стиля). Боюсь, что в «Temps» или в других журналах уже напечатают и остальные две, которые будут безобразно переведены по-русски, между тем как русский оригинал у Буланже может выйти лишь 15/28 Дек., и теперь после моих срочных телеграмм едва ли поспеют к первым числам Декабря, п[отому] ч[то] цензура задержала эти «Сказки» и разрешила лишь на днях, и то лишь две, третью запретив. Боже! Какое огорчение будет Льву Николаевичу, если он узнает, что его произведение переведено по-русски с французского раньше, чем оригинал! А убытков сколько мы понесем из-за мошенника француза! Еврейский Сборник наш, опять из-за цензора, лишь выйдет к Новому Году (ст[арого] стиля).

[206] См.: [Бынshток В. Л. Телеграмма к Черткову от 12 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 15. Л. 1; в этой телеграмме Бинshток, еще не зная, что перевод его уже вышел в «Le Temps», успокоил Черткова.

> Я вынужден был уже растелеграфировать повсюду, чтобы выпустить издание к 1/14 дек. Но что прошу, когда русские писаки уже переводят из французского и ради своих грошей портят нам сотни, а мне кровь и жизнь. Ради Бога, кто это[т] Ваш французский переводчик или издатель? Неужели ему это пройдет дороже? А вы меня обнадежили насчет Ваших издателей, предупредив меня касательно моих немецких издателей, которые оказались куда честнее Ваших французов, черт бы их побрал!
>
> Ваш С. Рабинович[207].

«Le roi d'Assyrie Assarkadon», первая из трех сказок-легенд Толстого, действительно вышла 5 декабря н. с. в разделе «Le feuilleton du Temps» за подписью «Wladimir Bienstock»[208]. Боясь, что «недоразумение» возникло из-за его небрежности в передаче информации, Чертков велел Бинштоку держать в абсолютной тайне все, что касается этой истории. 17 декабря н. с., получив письмо от Шолом-Алейхема, Чертков снова обращается к Бинштоку, но, к сожалению, из этого послания сохранился только короткий отрывок:

> Многоуважаемый
> Владимир Львович,
> К дополнению к моему сегодняшнему письму к Вам посылаю Вам только что полученное мною от г. Рабиновича последующее письмо. Высылаю его Вам для того, чтобы Вы ясно могли знать, какую именно путаницу нам следует распутать! Только показываю я Вам это письмо под одним непременным условием: чтобы вы отнюдь не вступали в объяснения с г. Рабиновичем помимо меня. Пишите непосредственно мне, а я буду или пересылать ему Ваши письма ко мне, или сообщать ему их содержание моими словами — как окажется тактичнее в каждом случае. Только потому, что я доверяю Вам в том, что Вы не отступите от этого моего условия, — решаюсь я же сообщать Вам письма Рабиновича ко мне.

---

207 Письмо Шолом-Алейхема к Черткову от 29 ноября / 12 декабря 1903 года // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 12–12 об.

208 L. Tolstoï. Le roi d'Assyrie Assarkadon. Traduit par W. Bienstock // Le Temps. 5 Décembre 1903. P. 3.

> Переписку с ним по этому делу необходимо вести мне лично, т[ак] к[ак] я перед ним отвечаю.
> Из прилагаемого письма его вы увидите, что он уже знает о том, что Ваш перевод должен был появиться раньше окончательного назначенного им срока. Я ему объясню, как вышло это недоразумение, и объясню вам в следующем письме. Теперь спешу, п[отому] ч[то] почта отходит. Но я ему также сообщу, что, узнавши о произошедшем недоразумении, я принял меры, чтобы остановить преждевременное появление Вашего перевода. А потом я вам телеграфировал выпускать его, п[отому] ч[то] Рабинович телеграфировал мне так...[209]

На этом месте письмо обрывается. Речь и в самом деле шла о недоразумении, произошедшем из-за путаницы и из опасений, что будет опубликован другой перевод, принесенный неизвестно кем в редакцию «Le Temps». Бинншток в подробностях восстанавливает весь ход событий в своем письме Черткову от 18 декабря н. с.:

> Письма ваши — оба я получил вместе — очень меня огорчили, т[ак] к[ак], желая принести пользу, я, оказалось, сделал путаницу; но даю Вам слово, что я здесь ни духом, ни телом не виноват. <...>
> По моему огорчению, в «Temps» от 5-ого появилась 1-ая сказка. В редакции мне объяснили, что это вышло, т[ак] к[ак] они поняли срок 12-ого как предельный, но не ограничительный; да и, кроме того, они торопились, т[ак] к[ак] им приносили перевод 1-ой сказки. Я сам видел в русской школе рукопись сказки «Асархадон»; откуда попала эта рукопись, я не знаю. Но, во всяком случае, я взял с «Temps» слово, что остальные две сказки они не опубликуют раньше 12-ого; благодаря Вашей телеграмме мне удалось задержать до 14-ого; и то Вы видите из прилагаемых №№ «Temps», одна сказка напечатана 14-ого декабря, а другая только 17-ого декабря[210].

---

[209] НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 115. Ед. хр. 58. Л. 8–9.

[210] ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 16. Л. 1, 2 об–3.

Больше всего Бинштока беспокоило мнение Толстого, а что думал Шолом-Алейхем, его совершенно не волновало.

> Я не буду отвечать на гнусную клевету г-на Рабиновича, что будто бы я перевел по-русски сказку Л[ьва] Н[иколаеви]ча и где-то ее поместил, гоняясь за грошами. Г-ну Рабиновичу тем менее простительно так гнусно клеветать про человека ему совершенно незнакомого, что Шолем-Алейхем очень талантливый писатель и должен был бы более взвешивать свои слова. Объясните этому господину, что не только я не гоняюсь за грошами, но что все, что получил за эти сказки, отослал целиком Вам. Мнение г-на Рабиновича, впрочем, мне безразлично; но мне далеко не безразлично и слишком дорого мнение Льва Николаевича; и поэтому, умоляю Вас, глубокоуважаемый Владимир Григорьевич, насколько я здесь не виновен[211].

Чертков также дорожил исключительно отношениями с Толстым и, опасаясь, что это очередное недоразумение может расстроить писателя, 17 декабря н. с. отправил ему длинное послание, которое просил уничтожить сразу же по прочтении. Толстой не удовлетворил эту просьбу — скорее всего по небрежности, и письмо, неизданное, хранится сейчас в московском архиве писателя. Приведем здесь лишь фрагмент:

> 17. 12. 03. н. с. № 112
> Дорогой Л[ев] Н[иколаевич], опять предлительное молчание от вас, опять каждая почта, а она бывает три раза в день, приносит мне сначала радостное ожидание, а потом разочарование. <...>
> А сейчас потороплюсь с этой почтой списаться с вами о другом. Посылаю вам при сем мой англ[ийский] перевод «Асархадона». (Всю книжку вышлю в другой раз.) В моей версии неизбежно вышла некоторая разница против версий, издаваемых в России и переведенных другими переводчиками. Напоминаю вам, как это вышло: Вы мне прислали два варианта, предоставив воспользоваться, каким найду лучше. Я нашел последний вариант несомненно лучшим, но не-

---

211 ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 16. Л. 1–2.

сколько мест в первом варианте, выкинутых во втором, как, напр[имер], эпизод с ослицей, были так хороши и так жаль было выпускать их, что я решился восстановить их. При этом я послал вам этот мой вариант, прося вас, если вы его одобрите, не отвечать мне; а если не одобрите, то сообщить. Не получив от вас возражения, я принял это, по предложенному мною уговору, за знак согласия и счел включенные мною места и вообще весь этот ранний новый вариант за окончательный, одобренный вами. Напоминаю вам об этом только на случай, если кто-нибудь из других издателей или переводчиков стали бы справляться непосредственно у вас о том, какой вариант следует считать окончательным, вы бы вспомнили, каким образом образовался мой вариант и, одобривши его вашим молчанием, не отказались бы потом от него, позабывши о нашей переписке по этому поводу. Нечего говорить, что среди издателей и переводчиков есть люди, которые ввиду, как они считают, моей «манипуляции» ваших писаний, рады каждому случаю подставить мне ножку, и если бы вы на их справку ответили в таких выражениях, которые они могли бы использовать в том смысле, что я в этом случае поступил самовольно, без вашей достаточной санкции и что наш вариант следует поэтому считать не вашим, а составленным мною, — то они с величайшею радостью сообщили бы об этом печатно под предлогом объяснения разницы их варианта с нашим. А из этого возникли бы только недоумения и неприятности. Поэтому мне очень хотелось бы, чтобы вы написали бы мне, что одобряете мою версию как окончательную, санкционированную вами. А для того, чтобы вы могли бы поступить в этом случае с открытыми глазами, — и посылаю вам при сем наш вариант по-английски.

Пожалуйста, уничтожьте это письмо тотчас по прочтении. Вы, вероятно, слышали от Рабиновича, что в каком-то французском журнале проскочил преждевременно перевод этой сказки. Раб[инович] думает, что это вследствие злоупотребления моим доверием со стороны нашего франц[узского] переводчика. Но это не так: наш фр. переводчик был в отчаянии. Он иначе распорядился своим переводом и прежде не выпускал рукописи. И писал нам, что в Париже уже до срока ходят по рукам несколько списков. К счастью, совершенно случайно нам возможно будет доказать, что вина не наша, т[ак] к[ак], если «контрабандно»

> напечатанный экземпляр соответствует не нашему, а тому варианту, который был у других издателей и переводчиков, то это будет приятным доказательством, что не по нашему списку напечатано. Впрочем, все это вас мало интересует[212].

Письмо окончательно раскрывает тайну «другой версии», на которую Чертков ссылался не единожды: речь шла о новом варианте сказки о царе Асархадоне, предложенном Чертковым, который на свой вкус объединил две разные редакции сказки, полученные от Толстого в конце августа того же года. Это вызывает недоумение: в их переписке ни разу не обсуждалась эта новая редакция сказки, и Толстой, насколько известно, не давал письменного согласия — а это был его единственный способ общения с Чертковым, жившим тогда в Лондоне, — на публикацию новой версии (на русском или на английском). На самом деле Чертков лишь один-единственный раз спрашивал у писателя, какую из двух редакций сказки об ассирийском царе ему издать, и получил в этом полную свободу[213]. Впоследствии они оба были настолько утомлены размолвками с Моодом и обсуждением первого издания на английском, что собственно проблемы текста, как представляется, отошли на второй план.

Трудно утверждать, была ли версия, скомпилированная Чертковым, знакома Толстому и получила ли его одобрение, тем более что в архиве писателя среди рукописей трех сказок этого текста не обнаружено[214].

Более вероятно, что, уповая на небрежность, с какой писатель относился к большинству своих второстепенных сочинений, а также произведений, написанных по чьей-то просьбе, Чертков хитрил[215]. Теперь же ему срочно понадобилось одобрение Тол-

---

212 ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/1. Л. 1–4 об.

213 Письмо Толстого к Черткову от 6–7 сентября 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 306.

214 Рукописи трех сказок хранятся в ОР ГМТ: [Л. Н. Толстой. «Три сказки»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 1–38.

215 См.: *De Giorgi R.* «Ma io La amo tanto che non posso non dirLe tutta la verità». L'epistolario Tolstoj–Čertkov (1883–1910) // Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte / a cura di D. Rebecchini e L. Rossi. Milano: Cisalpino Istituto editoriale universitario, 2012. P. 89–104.

стого, и в его просьбе уничтожить письмо, как и в решении не издавать в Лондоне текст по-русски, мы не можем не усмотреть некоторой двусмысленности.

В своем письме Толстому от 17 декабря н. с. Чертков, по сути, признавался в том, что создал новый текст: добавил ко второму варианту сказки «эпизод с ослицей и осленком», присутствующий только в первом. На самом деле еще в письме Толстому от 12 сентября н. с., в котором Чертков спрашивал, как поступить с двумя вариантами сказки об ассирийском царе, можно прочесть между строк его желание использовать обе; он утверждал, что предпочитает первую версию, поскольку та обладает большим эмоциональным зарядом и в ней содержится «эпизод с ослицей и осленком», которого нет во второй[216].

Прежде чем разобраться, в чем же именно заключался «филологический маневр» Черткова, представляется необходимым пересказать в общих чертах содержание сказки об ассирийском царе — в том виде, в каком Толстой предлагал ее для русского издания в «Посреднике» и в каком мы ее читаем сегодня в его Полном собрании сочинений[217].

> Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, поработил всех жителей, перебил воинов, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку, приговорив к смерти. Один старец убедил Асархадона окунуть голову в купель, до краев наполненную водой. И едва он это сделал, сразу же превратился в царя Лаилиэ и почувствовал те самые страдания и мучения, которым он подверг других существ.
> Асархадон очнулся и сказал себе: «Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон». Спустя мгновение он высунул голову из воды и услышал голос старца: «Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон. <...> Понял ли ты теперь, — продолжает старец, — что Лаилиэ — это ты, и те воины, которых ты предал смерти, — ты же».

[216] См.: [письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

[217] См.: *Толстой Л. Н.* Ассирийский царь Асархадон // ПСС. Т. 34. С. 126–130.

В последующие дни Асархадон освободил Лаилиэ и других пленников, отменил казни, передал власть своему сыну, а сам удалился в пустыню и «стал ходить в виде странника по городам и селам, проповедуя людям, что жизнь одна, и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим существам».

VII

В русском тексте, изданном «Посредником» (1903), нет эпизода с «ослицей и осленком»; не найдем мы его и в Полном собрании сочинений, где сказка публиковалась на основе версии, подготовленной Буланже для «Посредника»[218].

Упомянутый Чертковым эпизод присутствует как раз в английском переводе, вышедшем во F. A. P. и отправленном Чертковым Толстому вместе с письмом от 17 декабря н. с.[219] Нигде в Полном собрании сочинений Толстого — ни в комментариях к сказкам, ни в комментариях к письмам Толстого к Черткову за 1903 год — нет указания на существование этих двух печатных версий сказки об Асархадоне.

Впрочем, в неизданных «Примечаниях к переписке» между двумя друзьми сохранилась заметка (почерк явно принадлежит Черткову), относящаяся к письму Черткова от 12 сентября 1903 года н. с., из которой вытекает, что

> в английском переводе Ч[ертко]ва сказка о царе Ассархадоне появилась в первой версии, т. е. с упоминаемым в письме эпизодом об ослице, причем в из[дании] С. А. Толстой <...> выпущен эпизод про ослицу с ослинком, о котором гово-

---

[218] В ПСС текст сказки «Ассирийский царь Асархадон» печатается по изданию «Посредника» с исправлениями по рукописям (см.: *Эйхенбаум Б. М.* «Три сказки». История писания и печатания / ПСС. Т. 34. С. 556); имя царя, на основе рукописей Толстого, было изменено с «Ассархадон» на «Асархадон».

[219] Печатный экземпляр перевода сказки на английский язык Чертков вложил в конверт вместе со своим письмом к Толстому от 17 декабря 1903 года н. с. (ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/2).

рится в письме В. Г. Черткова, необходимо иметь в виду этот вариант для напечатания его в выпусках «Толстой. Памятники жизни и творчества»[220].

В версии, скомпилированной Чертковым, Асархадон, прежде чем поднять голову из воды и окончательно очнуться, превращается в несчастную ослицу, которая беспомощно наблюдает смерть своего осленка, пораженного стрелой и потом заколотого «существом на двух ногах» («two-legged being — a man»)[221].

Этот своего рода «сон во сне» еще более усиливал обличительный пафос Толстого, поднимая тему насилия над животными, столь важную для писателя (вегетарианца по этическим соображениям с середины 1880-х годов) и еще более важную для Черткова, чье самое первое эссе было яростным выступлением против охоты[222]. И если бы Толстой уничтожил письмо, это стало бы еще одним доказательством того, что Чертков «фальсифицировал» сказку — это предположение, несомненно, подтверждается и абсолютным совпадением текста английской версии, изданной F. A. P., с французским переводом Бинштока.

Разрешение издать именно эту версию, которого Чертков просил у Толстого в письме от 17 декабря н. с., было необходимо, чтобы защититься от возможных обвинений в манипуляциях с произведением. И Толстой дал другу согласие — почти не задумываясь: «Перевод ваш Асархадона получил и вполне одобряю»[223].

---

[220] Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 241–242. В издании Софьи Андреевны сказка печаталась по тексту «Посредника» (см.: *Толстой Л. Н.* Сочинения графа Л. Н. Толстого. 12-е изд. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. Ч. 11. С. 457–462. В серии «Толстой. Памятники творчества и жизни» сказка не печаталась.

[221] См.: *Tolstoy L.* King Assarhadon and other Stories. Translated by V. Tchertkoff and I. F. M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: «The Free Age Press», 1903. P. 11.

[222] *В. Г. Чертков.* Злая забава мысли об охоте // Новое время. 1890. 13 ноября. № 5284 (отд. изд:. СПб., 1890 [ценз. изд.], и М., 1896).

[223] Письмо Толстого к Черткову от 18 декабря 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 313.

Возможно, писатель вообще не читал перевода. Многие из текстов, созданные по чьей-либо просьбе, не удовлетворяли Толстого и потому переставали интересовать его сразу по окончании работы над ними — настолько, что он часто даже не читал корректур. То же случилось и со сказками, написанными ради благого дела. С самого начала Толстой считал их слабыми: «Написал три сказки. Еще плохо, но может быть порядочно»[224], и еще: «Только нынче кончил сказки, и не три, а две. Недоволен»[225]; «Сказки плохи»[226].

Компиляция Черткова, конечно же, была основана на рукописях Толстого, но на каких именно? Разные редакции сказки о царе Асархадоне хранятся вместе с рукописями остальных двух сказок в московском архиве писателя[227].

Эпизод с «дикой ослицей» появляется уже в раннем автографе (№ 3) Толстого, датированном 24 июля 1903 года: «Ас[архадон] содрогается, делает последнее усилие и просыпается не быком уже, а дикой ослицей, кормящейся на горах с своим сосущим ее осленком. Небо чисто, никого не видно, но вдруг со свистом летит что-то и ударяет в бок...»[228]

В этом автографе, как и в последующих редакциях сказки о царе Асархадоне, сохранившихся в машинописных копиях с исправлениями Толстого (я ссылаюсь на машинописные копии № 16 и 20), Асархадон — осознавая себя Лаилиэм, прежде чем окончательно очнуться, — «просыпается» «уставшим поселянином», затем «воином, которого ведут в войну», «ребенком девоч-

---

[224] *Толстой Л. Н.* Дневник (1900–1903). 25 июля 1903 года // ПСС. Т. 54. С. 188.

[225] *Толстой Л. Н.* Дневник (1900–1903). 20 августа 1903 года // ПСС. Т. 54. С. 189.

[226] Письмо к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

[227] *Толстой Л. Н.* «Три сказки» // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 1–38. В своей работе я опираюсь исключительно на эти тексты (автографы и машинописные копии с исправлениями, внесенными автором или перенесенными переписчиками).

[228] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 3. Л. 4о б. Эта ранняя редакция уже была опубликована с некоторыми неточностями А. Бемом в 1919 году (Ассирийский царь Асархадон. Ранняя редакция сказки Л. Н. Толстого с вводной заметкой А. Бема // Братство. Изд. Общества Истинной свободы в память Л. Толстого. Киев, 1919. Вып. 1. С. 2–4).

кой», «быком, тащащим плуг», и, наконец, «дикой ослицей с осленком»[229].

В машинописной копии, которой в архиве присвоен номер 23, Толстой значительно сокращает количество превращений царя:

> «Окунись еще», — строго сказал старец и опять зачерпнул в кружку воды и опрокинул ее на темя Асархадона. Асархадон, не чувствуя в себе силы ослушаться, опять окунулся головой. И вот Асархадон видит себя дикой ослицей. Вокруг него, играя, скачет кругом темно-серый с ремнем на спине длинноногий осленок. Небо чисто, никого не видно, но вдруг со свистом летит что-то и ударяет в бок Асархадона, чувствующего себя ослицей[230].

Однако же в более поздней копии, обозначенной в архиве как № 26 и содержащей значительные исправления автора, читаем:

> Асархадон, чувствуя себя <Лаилиэм> **этим воином**, <вскрикивает> **испытывает непереносимый ужас** и <вспоминает, что это может быть сон> делает еще боль<ш>е**е**, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, **и он просыпается,** но просыпается **опять** не Асархадоном Царем, **и не Лаилиэм, и не воином,** а <дикой ослицей> **каким-то четвероногим животным**. <Вокруг> **Подле** него **кругами** скачет, играя, темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок**, и он понимает, что он ослица**[231]**.**

---

[229] Имеются в виду следующие машинописные копии: [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 16. Л. 6–8. Рук. 20. Л. 4–7.

[230] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ГМТ. Ф. 1. Рук. 23. Л. 3–4; сказка «Ассирийский царь Асархадон» подверглась здесь новому значительному исправлению (см. также: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; под общ. ред. В. А. Жданова; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Гос. музей Л. Н. Толстого М-ва культуры СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 448–449).

[231] [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ Ф. 1. Рук. 26. Л. 5–6; машинописные копии с № 17 по № 19, не сохранившиеся целиком, не содержат этой части сказки с разными «превращениями» Асархадона.

И в следующей по архивной классификации машинописной копии № 27 царь «просыпается» еще два раза:

> Асархадон, чувствуя себя <воином> **этим юношей** <испытывает непереносимый ужас>, **не может более переносить этого страдания** и делает еще большее, чем прежде, усилие, чтобы проснуться, и он просыпается, но просыпается опять не Асархадоном Царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то четвероногим животным. <...> **Подкинув сзади,** осленок со всего разбега подскакивает к <матери> **ней и,** подталкивая гладкой мордочкой под живот, **ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон, сознавая себя ослицей, испытывает блаженное чувство движения жизни в себе и в своем детеныше**[232]**.**

В машинописи копии № 28 Толстой, еще не отказавшись от эпизода превращения в ослицу как отдельного эпизода, вносил в описание метаморфоз Асархадона лишь некоторые несущественные исправления[233].

Текст, представленный в машинописной копии № 28, перешел уже в исправленном виде в три копии, указанные в архиве как № 29, 30 и 31 и содержащие исправления, внесенные самим Толстым или перенесенные переписчиками; однако копии не полностью совпадают[234].

В копии № 29, как и в двух остальных дубликатах рукописи № 28, стоят машинописная подпись Толстого и дата — 15 августа [1903]; во всех этих трех копиях Асархадон, прежде чем окончательно очнуться, просыпается в облике юноши, а потом — ослицы:

> Асархадон, чувствуя себя этим юношей, не может более переносить этого страдания. **Этого не может быть. Это сон, думает он** и делает <еще больше, чем прежде> усилие,

---

232 [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 27. Л. 3.

233 См.: [«Ассирийский царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. № 92/28. Л. 8–9.

234 ОР ГМТ. Ф. 1. № 29, 30 и 31; о машинописной копии № 29 см. также: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. С. 450–451.

> чтобы проснуться, **и просыпается**, но просыпается опять не Асархадоном царем и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным. <...> Подкинув задом, осленок со всего разбега подскакивает к Асархадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радует его. Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше[235].

В печатном экземпляре с поправками Толстого, обозначенном как № 34 — следующем по архивной классификации, где сказка сохранена целиком, — исчезают и юноша, и эпизод с ослицей, поэтому, как и в тексте, изданном «Посредником», там отсутствуют какие-либо еще превращения героя[236]:

Печатный экземпляр № 34 (ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6.	Издание «Посредника» (1903). С. 11–12.
— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его <и он сам не слышит своего голоса. И он чувствует, что начинается мучительная казнь>.	— Сейчас смерть, уничтожение, — думает Лаилиэ и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, он, рыдая, молит о пощаде. Но никто не слушает его.

---

[235] [«Ассирийский Царь Асархадон»] // ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5. См. также: Рук. 30. Л. 5. Рук. 31. Л. 5.

[236] Машинописные копии № 32 и 33 (ОР ГМТ. Ф. 1 [«Ассирийский Царь Асархадон»] Рук. 32 и 33) содержат лишь часть сказки, не включающую разных превращений царя. Копия № 32 является фрагментом дубликата не сохранившегося машинописного оригинала, и № 34 — фрагмент дубликата предыдушей рукописи, с новыми исправлениями автора (см.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. С. 451–452). Учитывая все это, мы не можем с точностью сказать, в какой копии Толстой удалил эпизод превращения царя в дикую ослицу.

Печатный экземпляр № 34 (ОР ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6.	Издание «Посредника» (1903). С. 11–12.
— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, — думает он. — Ты и Лаилиэ, ты и Асархадон, — <говорит ему> **слышит он** какой-то голос и **чувствует, что** казнь начинается.	«Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон». И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Ассархадон, — думает он. — Ты и Лаилиэ, ты — и Ассархадон, — слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается.

Вернемся к компиляции Черткова. Велика вероятность того, что 24 августа Толстой отправил ему (Черкову) текст, содержащийся в одном из дубликатов машинописной копии № 28 с новыми исправлениями автора, — этот текст на сегодня потерян, но он очень близок к исправленной копии № 29. Кроме того, Толстой, очевидно, отправил Черткову и новую «окончательную» редакцию сказки, без эпизода с ослицей, доработанную в последующие дни (предположительно, текст, воспроизведенный в машинописном экземпляре № 34 в исправленном виде)[237].

Чертков, как он и сам признается, использовал «первую версию» только частично, взяв из нее эпизод с ослицей и осленком, о котором упоминал в своем письме к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с. («И мне, и Гале, и всем нам первая сказка больше нравится в первой версии: уже очень жаль выпустить ослицу с осленком (это удивительно трогательно»)[238]. На самом деле его компиляция не ограничивается одним эпизодом с дикой ослицей: Чертков взял и другие короткие фрагменты, значительно менее яркие.

Английский текст (изданный «F. A. P.», 1903) действительно содержит большую вставку, которая воспроизводит — с мини-

[237] См. письмо Черткова к Толстому от 24 августа 1903 года (ПСС. Т. 88. С. 305).

[238] Письмо Черткова к Толстому от 12 сентября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 356. Л. 1.

мальными разночтениями — эпизод с ослицей, содержащийся в машинописной копии № 29.

Источники компиляции Черткова	*King Assarchadon and other Stories.* «Free Age Press», London 1903. P. 9–11.
— Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаилиэ, я Асархадон, — думает он. (Печатный экземпляр № 34 // ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6)	«Surely this cannot be», he thinks. «I am probably asleep. This is dream». And he makes an effort to awake. «But I am not Lailiey, I am Assarchadon, he thinks,
и делает <еще больше, чем прежде> усилие, чтобы проснуться, **и просыпается**, но просыпается опять не Асархадоном царем, и не Лаилиэм, и не воином, а каким-то <четвероногим> животным.	and he does indeed awake to find himself neither Assarhadon nor Lailiey, but some kind of an animal.
Асархадон удивляется тому, что он <четвероногое> **животное**. А вместе с тем <ему кажется, что это не может быть иначе> **удивительно, что он не знал этого прежде**.	Assarhadon is astonished that he is an animal. And at the same time he is astonished that he did not know this before.
Он пасется в долине, срывая зубами сочную траву и отмахиваясь от мух длинным хвостом и испытывая странное чувство **тяжести** в переполненном молоком вымени. Вокруг него, играя, скачет темно-серый с ремнем по спине длинноногий осленок. Подкинув задом, осленок со всего разбега подскакивает к Асархадону и, подталкивая его под живот гладкой мордочкой, ищет соска и, найдя его, затихает, равномерно глотая. Асархадон понимает, что он ослица, мать осленка, и это не удивляет и не огорчает, а скорее, радует его.	He is grazing in a valley, tearing the succulent grass with his teeth, brushing away flies with his long tail, and experiencing a strange feeling of heaviness in his udder. Around him is sportively gambolling a long legged, dark grey ass-colt with a stripe down his back. Kicking up its hind legs, the colt gallops up at full speed to Assarhadon, and poking him under the stomach with his smooth little muzzle, searches for the teat, and finding it, quiets down, swallowing regularly. Assarhadon understands that he is a she-ass, the mother of the colt, and this neither astonishes him nor grieves him, but rather gladdens him.

Источники компиляции Черткова	*King Assarchadon and other Stories.* «Free Age Press», London 1903. P. 9–11.
Он испытывает блаженное чувство **одновременного** движения жизни в себе и в своем детеныше. Но вдруг со свистом летит что-то и ударяет **его** в бок <Асархадона> и острием впивается в его кожу и мясо. <Асархадон и> **И**спытывая жгучую боль, **Асархадон, он же и ослица,** вырывает вымя из зуб осленка <и приложив уши>, скачет к стаду ослов, от которых он отбился. Осленок, не **от**<пере>ставая, скачет у его ног. Они уже подбегают к шарахнувшемуся стаду, как **вдруг** другая стрела ударяет со свистом в шею осленка, впивается в нее и дрожит в ней. Осленок жалобно хрипит и падает на передние колени. Асархадон не может оставить его и останавливается над ним. Осленок приподнимается, шатается на длинных, тонких ногах и падает <опять>. П<ри>**о**дбегает **странное двуногое существо** человек и перерезает горло осленка.	He experiences the blissful feeling of the simultaneous movement of life in himself and his offspring. But suddenly, with a whistling sound, something flies near and hits him in the side, and with its sharp point, penetrates into his skin and flesh. Feeling a burning pain, Assarhadon, who is at the same time the ass, tears the udder from between the colt's teeth, and laying back his ears, gallops to the herd of asses, from which he had dropped behind. The colt keeps up with him, galloping by the side of his legs. They are already running up to the herd, which has started off, when suddenly another arrow at full speed strikes the colt's neck. It penetrates and quivers in the flesh. The colt sobs piteously and falls on his knees. Assarhadon cannot abandon him, and remains standing over him. The colt gets up, sways on its long thin legs, and falls again. A fearful two-legged being-a man-runs up, and cuts the colt's throat.
<Это н> **Не** может быть, это **опять сон** <слишком жестоко>, — думает Асархадон и делает последнее усилие, чтобы проснуться. (Машинописная копия № 29// ГМТ. Ф. 1. Рук. 29. Л. 5 и 6)	«This cannot be, it is again a dream», thinks Assarhadon, and makes a last effort to awake.
Он <испытывает ужасную боль,> вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки. (Печатный экземпляр № 34 // ГМТ. Ф. 1. Рук. 34. Л. 6)	He utters a slight cry, and at the same moment thrusts his head out of the bath, and sees the old man is remaining in the jug over his head.

Как упоминалось выше, эпизод с ослицей отсутствует в тексте, напечатанном в «Посреднике», но содержится в переводе Бинштока.

В письме Черткова Толстому от 17 декабря 1903 года н. с. остается одно темное место, касающееся публикации в Le Temps[239]. Чтобы доказать свою невиновность, Чертков утверждает (нарочно не называя имя переводчика), что французский текст соответствует версии, имеющейся в распоряжении других переводчиков и издателей, а не тому варианту, какой есть у него. Выходит, Чертков еще не читал французского текста? Или же снова рассчитывал на небрежное отношение Толстого к собственным сочинениям?

На самом деле версия сказки о царе Ассирийском, в которую включен эпизод с ослицей, спасла Черткова, но не совсем так, как он предполагал. Неожиданно ему написал Шолом-Алейхем, который извинялся за проявленные сомнения и был огорчен появлением в петербургской газете двух из трех сказок, переведенных с немецкого[240] (речь шла о сказках «Ассирийский царь Асархадон» и «Три вопроса»):

> 8/21 — XII 1903 г.
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> На Ваше письмо спешу ответить, что «Ассархадон», появившийся в «Temp» и переведенный в здешней газете, резко отличается от моего варианта. Я был поражен тому, что Ассархадон, превратившийся сначала в Лайлиэ, вдруг проснулся — ослом! Это, значит, новый вариант самого Л[ьва] Н[иколаевича], попавший прямо в Париж. Сохрани меня Бог винить Вас в чем-либо. Затем в Петерб[ургских] «Новостях»[241] также появились 2 сказки из «Berliner Tageb-

---

[239] ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 363/1. Л. 1–4 об.

[240] См.: *Graf Leo Tolstoi*. König Assarhaddon e Drei Fragen. Übersetzer: August Scholz // «Der Zeitgeist». Beiblatt zum «Berliner Tageblatt». № 50. Berlin, Montag 14, 1903. S. 1–2. Отд. книгой: *Leo Tolstoi*. Drei Legenden. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Manuskript; von August Scholz. Berlin: Bruno Cassirer, 1904.

[241] Газеты под таким названием я не нашла. Возможно, Шолом-Алейхем имел в виду «Биржевые ведомости» (СПб.).

latt». Еще я не видел «Новостей». Завтра увижу. Розничная продажа «Нов[остей]» министром запрещена. Боюсь: не за третью ли сказку? Цензура запретила «Посреднику» «Смерть, труд и болезнь»[242]. Издание Моода получил. Вашего нет! Жду Ваших писем

С. Рабинович[243]

Опасения его подтвердились: сказка о царе Асархадоне и «Три вопроса» вышли на русском в переводе с немецкой версии, напечатанной в Berliner Tageblatt (14 декабря н. с.). Но очень вероятно, что Шолом-Алейхем, вводя Черткова в курс дел, еще не знал, что в Berliner Tageblatt были опубликованные именно переводы Шольца. Чертков, однако, не был виноват: сам Шолом-Алейхем отправил копии сказок Шольцу и, не прислушавшись к указаниям Черткова, продолжал переговоры со «своим» переводчиком[244]. Удивление вызывает тот факт, что Шольц, с самого начала осведомленный о том, что сказки должны быть опубликованы на русском языке отдельным изданием и на несколько дней позже еврейского сборника, все же отдал свой перевод в газету[245].

В те дни сразу в нескольких русских газетах появились две упомянутые выше сказки — в переводе с немецкого, сильно исказившем оригинал, причем имя царя Асархадона превратилось

---

[242] Так в тексте.

[243] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 14.

[244] Об этом свидетельствует письмо Шолом-Алейхема на немецком к «Sehr geehrter Herr Redakteur» от ноября 1903 года. Писатель прямо говорит, что единственный перевод, имеющий основание быть опубликованным, — это именно перевод Шольца (см.: Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 137). Письмо Шолом-Алейхема написано по-немецки, в журнале дается в переводе на идиш, рядом помещена фоторепродукция подлинника (Ibid.). Возможно, у Шолом-Алейхема были причины для такого поступка: на произведения Толстого не распространялось авторское право; переводчик, рекомендованный Чертковым, — Рафаэль Лёвенфельд — не отзывался на письма Шолом-Алейхема; или, скорее всего, последний хотел наладить отношения с Шольцем, чтобы впоследствии тот взялся за переводы его собственных произведений на немецкий (см.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 1 (14) октября 1903 года // Ibid. Z. 138).

[245] Об этом Шолом-Алейхем предупредил его в письме от 1/14 октября 1903 года (Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 136).

в «Ассорговдон»[246] или «Ассаргаддон»[247], а эпизод с ослицей и осленком в текстах, конечно, отсутствовал. В газете «Биржевые ведомости» публикация двух легенд (датированная 4 декабря) предварялась коротким предисловием редактора:

> Наш берлинский корреспондент прислал нам корректурный оттиск немецкого перевода двух новых легенд Л. Н. Толстого. Оригинал еще не появился в свете, и поэтому мы решаемся воспроизвести по-русски обе легенды, пользуясь немецким переводом, который исполнен другом Л. Н. Толстого, Августом Шоллем. Предлагая сказки в переводе с немецкого, редакция, конечно, далека от мысли дать со стороны изложения то, что написал Толстой. В этом смысле это не более как скромная и приблизительная догадка, находящая оправдание в содержательном интересе сказок[248].

В своем письме от 8/21 декабря 1903 года Шолом-Алейхем, помимо всего прочего, просит прощения за то, что сомневался в честности Черткова. Он больше не винил его, ведь во французском тексте фигурировал эпизод, которого не было имевшейся у него версии. Не сомневаясь, что текст Черткова полностью совпадает с тем, который был в его распоряжении, Шолом-Алейхем пришел к заключению, что в основе французской версии должна лежать более свежая авторская редакция, попавшая в Париж по каналам, не связанным с Чертковым. Мы же знаем наверняка, что Бинншток получил и перевел текст, отправленный ему именно Чертковым 5 ноября 1903 года н. с. Кроме того, французское заглавие сказки — «Le roi d'Assyrie Assarkadon» —

---

[246] См.: Царь Ассорговдон // Биржевые ведомости. 1903. 4 декабря (Утр. выпуск). См. также: Царь Ассорговдон // Уральский листок. 1903. 11 декабря. № 95.

[247] См.: Русские ведомости. 5 декабря. № 334. С. 2; Царь Ассаргаддон // Русское слово. 1903. 5 декабря. № 333.

[248] Царь Ассорговдон // Биржевые ведомости. 1903. 4 декабря (Утр. выпуск); в газете «Русские ведомости» также сообщили, что эти две легенды Толстого появились в приложении к «Berliner Togeblatt» в немецком переводе и что они были предназначены для «литературного сборника», издающегося в пользу кишиневских евреев, пострадавших от погрома (Русские ведомости. 1903. 5 декабря. № 334. С. 2).

полностью соответствует тому, которое Чертков дал своей английской версии («King Assarhadon of Assyria»)[249] и которое потом, в ходе подготовки текста к публикации, было изменено на «King Assarhadon and other Stories». Когда в 1905 году Бинншток включил три сказки во французский сборник Толстого, он, конечно же, оставил свой перевод сказки о царе Асархадоне таким, каким он появился в Le Temps, внеся в него разве что минимальные стилистические поправки[250].

Переписка Черткова с Толстым открыла новую главу в этой эпопее: проблема одновременной публикации текстов отходит на второй план, и разворачивается другой сюжет, имеющий отношение к истории печатных изданий сказок (в первую очередь сказки о царе Асархадоне). И в то же время обнаруживается удивительная непринужденность, с какой Чертков привык распоряжаться текстами Толстого. Письмо Владимира Бонч-Бруевича, написанное в феврале 1930 года Черткову, в то время главному редактору «Полного собрания сочинений», косвенно проливает свет и на нашу историю:

> Ты должен очень хорошо учитывать то обстоятельство, что в нашей современной общности имеется очень много лиц, <...> которые и устно, и печатно неоднократно заявляют, что у тебя есть тенденция изменения рукописей Толстого по

---

[249] Весь ноябрь 1903 года сборник, издаваемый F. A. P., именовался King Assarhadon of Assyria, and other Stories (См.: Dundee Advertiser. 1903. 9 ноября н. с.; Oxford Review 10 ноября н. с.; Cork Constitution и Leeds Mercury, 11 ноября н. с.; New Age, Liverpool Mercury и Pall Mall Gazete, 12 ноября н. с.; Literary Word, Daily Telegraph, 13 ноября н. с.; The Academy, Blackburn Telegraph, Books and new Trades Gazete, Court Circular, Glasgow Herald, Morning Post, Sunday Time, The Court Journal, 14 ноября н. с.; Birmingham Gazette, Glasgow Evening News, Western Time, 17 ноября н. с.; Cork Constitution, 18 ноября н. с.; Methodist Time, 19 ноября н. с.; Litchfield Mercury, 20 ноября н. с.; Court Journal, Aberbeen express, Court Journal, 21 ноября н. с.; Rock, 27 ноября н. с.; Hemford times, 28 ноября н. с.).

[250] См.: Le roi d'Assyrie Assarkadon // Comte *L. N. Tolstoï*. Dernières Paroles (1902–1905). Trad. J.-W. Bienstock. Paris: Société du «Mercure de France» 1905. P. 269–278.

> твоему личному усмотрению и что согласия Льва Николаевича на эти изменения нередко бывали потому, что Л. Н. просто не придавал большого значения тем или другим твоим исправлениям его работ, но для академического издания это, конечно, далеко не все равно. Мы должны дать именно тот текст Льва Николаевича Толстого, который написан и исправлен его собственной рукой и никем иным[251].

VIII

Благодаря телеграмме Черткова Бинншток сумел отсрочить на несколько дней выход остальных двух сказок[252], уже намеченный Le Temps: одна вышла 14 декабря н. с., другая 17-го[253].

Но он не мог знать наверняка, опубликовали ли их уже в Nuova Antologia[254]. «Assarkadon, re d'Assiria» был издан 16 декабря н. с. (1903 года) в переводе Камилло Антона Траверси (Camillo Antona Traversi), в точности воспроизводившем версию, скомпилированную Чертковым[255]. Таким образом, и в Италии с этой сказкой — вероятно, появившейся там через Бинштока, — познакомились в варианте Черткова.

В Англии выход сказок — после телеграмм, отправленных Рабиновичем, — был назначен на 14 декабря н. с. В Jewish

[251] Письмо В. Бонч-Бруевича к Черткову от 20 февраля 1930 года цит. по книге: *Карлова Т. С.* Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л. Н. Толстого // Лев Толстой в движении истории / Т. С. Карлова. Казань: Издательство Казанского университета. 1978. С. 156.

[252] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 18 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 16. Л. 2 об–3.

[253] *L. Tolstoï.* Trois questions // Le Temps. 1903. 14 Décembre. P. 3; *Idem.* Le travail, la mort et la maladie // Le Temps. 1903. 17 Décembre. P. 3. Отдельно изд.: Comte *L. N. Tolstoï.* Dernières Paroles (1902–1905) / Trad. par J.-W. Bienstock. Paris: Mercure de France, 1905. P. 279–291.

[254] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 18 декабря 1903 года н. с.] // Ф. 60. Оп. 3. Инв. № 16. Л. 3 об.

[255] *Leone Tolstoi.* Assarkadon, re d'Assiria // Nuova Antologia. 16 dicembre 1903. Fascicolo 768. P. 561–570.

Chronicle от 4 декабря 1903 года н. с. два разных английских перевода были анонсированы одновременно и, возможно, впервые говорилось о роли, сыгранной «С. Н. Рабиновичем»:

> Примерно через две недели появятся одновременно две английские версии сказок графа Толстого, написанные им специально в пользу евреев, пострадавших в Кишиневе и Гомеле. Сказки — это действительно аллегории или легенды. Прежде всего, они предназначались для публикации в сборнике, который придумал С. Н. Рабинович, известный еврейский писатель с псевдонимом «Шалом Алейхем». Чтобы получить как можно больше средств в пользу пострадавших, было организовано одновременное издание на нескольких языках. <...> Английские версии публикуются одна «Free Age Press», а другая — «Грант Ричардс». Последняя версия — это работа г-на Айльмера Моода, известного переводчика и исследователя произведений Толстого, который, как мы понимаем, дополняет издание последним портретом Толстого верхом на лошади и письмами Толстого, адресованными Рабиновичу и «к знакомому еврею»[256].

Переводы Моода, выполненные им совместно с женой Луизой по тем рукописям, которые были отправлены ему Шолом-Алейхемом, вышли 14 декабря (н. с.) 1903 года одновременно в Нью-Йорке и Лондоне[257].

15 декабря (н. с.) Моод выслал копию перевода Толстому[258]. В предисловии к этому изданию были опубликованы некоторые письма писателя, касавшиеся еврейского вопроса, и публично говорилось о том, что инициатива исходила от Шолом-Алейхема: «Талантливый еврейский писатель С. Н. Рабинович, более извест-

---

256 Оригинал на англ. яз.: Tolstoy's Tale on Behalf of the Jew's [sic] // Jewish Chronicle. 1903. 4 December. P. 20.

257 Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy / Transl. by L. and A. Maude, with an Introduction Containing Letters by Tolstoy. New York, Funk & Wagnalls Company, 1903. London, Grant Richards, [1903] 1904.

258 См.: [письмо Моода к Толстому от 15 декабря 1893 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3. № 229/18–8. Л. 1.

ный в России под псевдонимом Шалем-Мейхем»[259]. Кроме того, сообщалось, что сказки были написаны и переведены «на благо евреев, разоренных в Кишиневских и Гомельских погромах»[260]. В тексте, переведенном Моодом, конечно же, отсутствовал эпизод с ослицей и осленком. Что же касается авторских прав, Моод использовал ту же формулировку, что и в своем издании «"Севастополь" и другие военные рассказы» («Sevastopol and other Military Tales», 1901), а именно, что переводчики вправе предоставить собственные версии текста и определить размер вознаграждения за свой труд в зависимости от потребностей, взглядов и жизненных обстоятельств[261].

Чертков отправил Толстому свой перевод 17 декабря н. с. Во F. A. P. три сказки, без указания авторских прав, вышли в свет 14 декабря в двух форматах: дешевом и «более роскошном, с портетом» писателя («superior, with Portrait») — точно так, как было намечено изначально:

> Мы извлечем наибольшую выгоду из этого издания, возможную при ненарушении вашего с нами отношения к лит[ературной] собственности, т. е., как и с «Воскресением», мы не допустим утверждения такой собственности ни за кем ни на один день. Для этого мы одновременно выпустим два издания — одно более роскошное, вероятно, с рисунками, безвозмездно исполненными сочувствующими нам лицами, с которыми я нахожусь в сношениях, — другое самое дешевое — в нашей обыкновенной серии, что̀ предупредит вероятие, чтобы посторонний издатель пожелал конкурировать с нами[262].

Издание F. A. P. вышло с предисловием Черткова: он, как и Моод, стремился продемонстрировать глубокую солидарность

[259] Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy. [New York 1903]. P. 8; [London: Grant Richards, 1904]. P. 5.

[260] На титульном листке обоих указанных изданий.

[261] См. введение Моода к его переводу: Esarhaddon and other tales by L. Tolstoy. [New York, 1903]. P. 18; [London: Grant Richards, 1904]. P. 11.

[262] [Письмо Черткова к Толстому от 12 декабря 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 2 об–1 об.

Толстого с еврейским народом, подвергающимся насилию, а также приводил выдержки из его писем, включая ответ Шолом-Алейхему — последний упоминался лишь как «издатель одной публикации в помощь пострадавших евреев»[263]. В отличие от Моода, Чертков сделал в своем предисловии одно вынужденное уточнение:

> Мне нужно лишь упомянуть, что версия сказок, которую мы сейчас предлагаем читателям, содержит самые последние исправления и вставки Толстого, переданные им непосредственно нам, и некоторые из них не были переданы издателям других изданий на английском и иностранных языках из-за нехватки времени[264].

Это пояснение касалось в основном сказки о царе Асархадоне. Однако Чертков не стал вдаваться в детали. В конечном итоге в Лондоне не были опубликованы сказки на русском языке, как планировал Чертков. Возможно, он отказался от этой идеи потому, что ему показалось рискованным публиковать на русском текст сказки о царе Асархадоне, который, как он прекрасно знал, не принадлежал целиком Толстому и не соответствовал опубликованному в «Посреднике»[265]. А может, он уже не видел необходимости в этой публикации, как сам пишет в примечаниях к неизданной переписке с Толстым[266].

Последним в Варшаве в феврале 1904 года вышел сборник на идише. «Книга, вследствие цензурных препятствий, вышла с большим опозданием», — написал Шолом-Алейхем Толстому[267].

---

263 *Tolstoy L.* King Assarhadon and other Stories / transl. by V. Tchertkoff and I. F. M. [Isabella Fyvie Mayo]. London: The Free Age Press, 1903. P. VI.

264 Ibid. P. VIII–IX.

265 *Толстой Л. Н.* I. Ассирийский царь Ассархадон. II. Три вопроса. Две сказки. С 9-ю иллюстрациями Н. И. Живаго. М.: Посредник, 1903.

266 Почерком Черткова записано следующее: «В изданиях же “Свободного Слова” эти сказки не появились ввиду того, что смогли свободно печататься в России» (Примечания к переписке Л. Н. Толстого с В. Г. Чертковым 1901–1903 (3) [1922?] // НИОР РГБ. Ф. 435. Картон 35. Ед. хр. 4. Л. 241).

267 Письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 14 февраля 1904 года // СС. Т. 6. С. 341.

В ней были напечатаны все три сказки Толстого, включая и «Труд, смерть и болезнь», а также письмо Толстого «Рабиновичу» от 25 августа 1903 года[268]. А вот в московском издании 1903 года третья сказка не могла быть опубликована. Однако в 1904 году Чертков выпустил ее по-русски в Лондоне приложением к своему журналу «Свободное слово»[269].

Шолом-Алейхем отправил копию сборника на идише Черткову:

> 10/23. II 1904
> Многоуважаемый
> В. Чертков!
> Посылаю Вам 1 экз[емпляр] нашего «Сборника» (еврейского) и покорнейше прошу Вас доставить его г-ну Рапопорту[270] в Лондоне для отзыва, т[ак] к[ак] я под рукой в данный момент не имею его адреса.
> Вместе с сим сообщаю Вам, что в свое время я получил Ваше издание «Сказок», которое, конечно, куда изящнее нашего русско-еврейского. Ну, да ведь Россия не Англия, а Варшава не Лондон. О пересылке книги прошу уведомить меня*.
> Какая судьба постигла Ваше издание? Разошлось ли оно, как это желательно было нам всем?
> Из Парижа я получил от кого-то в закрытом конверте 400 франков, но без всякого письма. Не по Вашему ли это распоряжению?
> Жду вашего ответа и остаюсь с глубочайшим почтением
> С. Рабинович
>
> *Вы легко можете себе представить, какие мы имели препятствия, когда книга могла выйти только теперь, в разгар грянувшей войны. Но мы книгу издали — и она разойдется![271]

---

[268] Hilf: a zamlbukh fir literatur un kunst. Varshe: Folks-bildung, 1903.

[269] Свободное Слово. 1904. № 9 (январь-февраль); в России первое изд.: *Толстой Л. Н.* Труд, смерть и болезнь и другие сказания Льва Толстого. М.: Посредник, ценз. 1906.

[270] С. И. Рапопорт (1858–1920) — журналист, публицист и переводчик, переводивший на английский язык произведения Толстого.

[271] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2362. Л. 15–15 об.

Кто мог отправить эти 400 франков? Возможно, речь шла об инициативе Бинштока, или же за этим снова стоял Чертков? Есть основания полагать, что деньги действительно выслал Биншток, поскольку в его письме Черткову упоминалась именно об этой сумме, которую, по его расчетам, он мог собрать[272]. Сборник на идише имел большой успех. Моод отправил Рабиновичу еще денег, добыв их в Resurrection Fund — фонде, созданном для помощи духоборам[273]. И Шольц отправил Шолом-Алейхему свою книжку[274].

Шолом-Алейхем отправил копию сборника и Толстому «как выражение искренней благодарности от еврейской читающей публики, от издателей и переводчика вашего»[275]. Три сказки напечатаны на страницах 19–33, и книга эта до сих пор хранится в библиотеке Ясной Поляны[276]. Толстой ему не ответил.

Со временем история перевода этих трех сказок приняла эпический размах. В первом номере «Вегетарианского обозрения» за 1911 год, посвященном памяти Толстого, было напечатано и открытое письмо Шолом-Алейхема Иосифу Перперу, основателю и главному редактору журнала. В нем писатель упоминает об их давнем и недолгом эпистолярном общении и выражает свое сожаление о том, что, ни разу не встретившись с Толстым, не имел возможности рассказать ему лично о страданиях евреев[277]. Но

---

[272] См.: [письмо Бинштока к Черткову от 9 ноября 1903 года н. с.] // ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 13. Инв. № 14. Л. 2.

[273] См.: [письмо Моода Дж. Г. Перрису от 3 января 1904 года н. с.] // LRA. MS 553/51. F. 1–2.

[274] См.: письмо Шолом-Алейхема к Шольцу от 15 апреля 1904 года // Sovetish heymland. 1979. № 3. Z. 139. Письмо дается в журнале в переводе на идиш.

[275] См.: письмо Шолом-Алейхема к Толстому от 14 февраля 1903 года // СС. Т. 6. С. 341.

[276] См.: *Архангельская Т. Н.* Толстой и Шолом-Алейхем. По материалам яснополянской библиотеки // Яснополянский сборник. Тула: Тульское книжное изд-во, 1960. С. 159–160.

[277] См.: письмо Шолом-Алейхема к И[осифу] П[ерперу] // Вегетарианское обозрение. 1911. № 1. С. 24–26; см. об этом: *Бранг П.* Россия неизвестная: история культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней / Пер. с нем. А. Бернольд и П. Бранга. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 181–183.

письмо это передает целую гамму чувств, которые испытывал Шолом-Алейхем с того момента, как он впервые обратился к Толстому: уважение к великому писателю, без сомнений, осталось, но вместе с тем появилось и разочарование из-за обманутых надежд. Толстой, хотя и ответил «на принципиально затронутый большой вопрос» о погроме в Кишеневе «несколькими сильными строками», не принял на себя роль ведущего защитника. «Я не мог себе представить, чтоб величайший человек нашего столетия мог видеть ту страшную бесправность и невыносимый ужас, в котором живут в его стране миллионы моих несчастных братьев, и не выступил бы со своим жгучим и властным словом, которое прозвучало бы от одного края мира до другого»[278], — заключает Шолом-Алейхем. Но все же он смягчает категоричность тона — в надежде, что при личном свидании смог бы убедить писателя произнести «жгучее и властное слово»[279].

Реконструированная здесь история, полная хитросплетений, в сущности проливает свет на целый ряд фактов из биографии Толстого, человека и художника, выявляя его постоянное внимание к жертвам государства; инстинктивное обращение к слову для обличения любого вида несправедливости; равнодушие к своим сочинениям, созданным по чьей-либо просьбе, из чувства долга, и имевшим мало общего с его произведениями, написанными «по-старому»[280]; нежелание быть причиной ссор и признание того, что часто они возникают именно из-за него; неловкость от осознания того, что по его вине люди вступают в конфликт;

---

278 Там же. С. 25. А 30 октября 1905 года Шолом-Алейхем напрямую попросил Толстого высказаться в защиту евреев (см.: СС. Т. 6. С. 341); о Толстом и еврейском вопросе см.: *Shefsky H. K.* Tolstoy and the Jews // Russian Review. Vol. 41. № 1. 1982. January. P. 1–10; *Меджибовская И.* «Еврейский вопрос» Толстого // Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея». М.: НЛО, 2013. С. 73–108; *Medzhibovskaya I.* Tolstoy's Jewish Questions // Tolstoy and His Problems / ed. by Medzhibovskaya I. Evanston, Illinois Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2019. P. 89–134.

279 См.: письмо Шолом-Алейхема к И[осифу] П[ерперу]. С. 25.

280 Письмо Толстого к Черткову от 1 июля 1893 года // ПСС. Т. 87. С. 208.

постоянная необходимость принимать решения в ситуации трудного выбора.

Вопреки своей воле Шолом-Алейхем оказался вовлечен в эти интриги и столкновения страстей и, сам того не желая, лишь разжег их еще сильнее. Сталкиваясь с препятствиями и не имея возможности снизить напряжение, подстраиваясь из раза в раз под нового хозяина положения, он все же смог выполнить свою задачу и поддержать жертв погромов, собрав в конце концов сумму бо́льшую, чем предполагалось изначально.

Чертков не колебался ни мгновения, чтобы вернуть себе то, что ему принадлежало, как он считал, по праву — полный контроль над произведениями Толстого, — и заставил Моода, который наивно полагал, что может его обойти, подчиниться своей власти. Если Моод надеялся стать лучшим английским переводчиком Толстого (по сути, он и являлся им), то Чертков самонадеянно считал:

> ...мой перевод коротеньких вещей вроде этих сказок, имеющий поэтически-аллегорический и, главное, очень духовный характер, — бывает более задушевный и проникновенный, чем его [Моода] переводы таких вещей, вследствие большей близости к вашей душе и его сравнительной холодности в этой области[281].

Разумеется, речь шла не только о переводе: Чертков хотел во всем контролировать Толстого и подчинил свою жизнь этому болезненному желанию. Толстой искал покоя, но раз за разом сдавался под натиском друга. Что же касается других переводчиков, то они лишь стремились первыми публиковать переводы новых произведений Толстого. Сам же писатель, едва закончив работу над очередным сочинением, уже испытывал разочарование. «Сказки плохи. Но надо было освободиться от них»[282], —

[281] Письмо Черткова к Толстому от 12 октября 1903 года н. с. // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 6. № 358. Л. 6.

[282] Письмо Толстого к Черткову от 9 августа 1903 года // ПСС. Т. 88. С. 302.

признавался он Черткову, завершив три истории. Он хотел отделаться от них, забыть — вероятно, потому, что, как он писал тому же Черткову, он «“откупался”, т. е. высказал в литерат[урной] форме все, что имел сказать», и все то, что он пишет теперь, «очень слабо, но будет по инерции одобрено»[283]. И, несмотря ни на что, вокруг него вечно теснилось множество людей, которые старательно записывали, докладывали, публиковали, переводили и копировали каждое его слово, создавая удушающую атмосферу, из которой его последнее бегство — видимо, так и было на самом деле — оставалось единственным спасением.

[283] Письмо Толстого к Черткову от 19 ноября 1909 года // ПСС. Т. 89. С. 156.

ДОКУМЕНТЫ